

ОЛЬГА КУНО

ТАЙНА ТЕМНОГО ОПЛОТА

Две сотни лет минуло с тех пор, как светлые маги вынудили своих темных сограждан бежать из Настрии и укрыться на небольшом участке неплодородной земли, получившем название Темный Оплот. Элайна Кенборт становится шпионкой Оплота в стремлении облегчить участь своей масти. Она получает задание убить опасного светлого лорда, сломавшего в том числе и ее собственную судьбу. Вот только как быть, если Александр Уилфорт оказался совсем не так ужасен, как расписывали ей коллеги? Кому верить — улыбчивому темному начальнику или светлому лорду с холодным взглядом? Что делать темной шпионке, если в ее душе пробудилось чувство к светлому магу? И, наконец, возможно ли снова объединить Настрию и Оплот, положив конец давней вражде?

Ольга Куно

Тайна Темного Оплота

© Куно О., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Возница в очередной раз прикрикнул на утомившуюся кобылу и натянул вожжи. Повозка прокатилась по неровной дороге еще несколько ярдов и, пронзительно скрипнув, остановилась. Я, сонно щурясь, высунулась из-под навеса.

— Приехали, — недружелюбно проворчал с козел старик. — Здесь сойдешь, дальше пешком. Ближе к границе не поеду: там разбойники лютуют. Рискуй сама, коли есть охота.

Вступать в споры было бесполезно, так что я не стала напоминать, что по договоренности он должен был довезти меня до леса на границе. Откровенно говоря, я с самого начала предполагала нечто подобное, а уплаченных вперед денег возница все равно не вернет. Так что я молча выбралась из повозки, вытягивая за собой мешок с пожитками.

Старик, не прощаясь, сразу же тронулся с места, привычно понукая кобылу. Лишь бросил в мою сторону последний неприязненный взгляд. Он явно видел во мне предательницу родины, но мне было все равно, и я никак не отреагировала. Бросив дорожный мешок на землю, заправила за уши предательски черные волосы, успевшие растрепаться, пока я дремала в повозке, и огляделась, оценивая окружающую обстановку.

Особой радости открывавшийся передо мной вид не доставлял. Все было мрачным и серым. Серая каменистая почва с редко торчащими пучками наполовину засохшей травы. Чахлые деревца. По пасмурному небу медленно плетутся грязно-белые облака. Ну вот, еще и дождь закапал, стоило мне остаться без пусть тряпичной, но все-таки крыши над головой. Воистину родина провожает меня недоброжелательно, давая понять, что скучать не будет. Впрочем, полагаю, это взаимно.

Возница высадил меня на развилке. Одна дорога, на которую он и свернул, уходила направо, туда, где вдалеке виднелись лопасти ветряной мельницы. Видимо, там начиналась деревня. Другая же дорога продолжала змеиться в прежнем направлении, в сторону огромных черных скал, к подножию которых жался неведомо как выросший на здешней неблагоприятной земле лес. Туда-то и лежал мой путь.

Я попыталась на глаз прикинуть расстояние, не слишком в этом преуспела и махнула рукой. Дойду. Спешить мне некуда. Дождь вроде бы расходиться не собирается. А даже если усилится и я промокну, не такая уж это беда.

Вообще-то у дорожного мешка имелись две лямки, но на спине я его нести не могла. Поэтому то вешала на левое плечо, то перекладывала в правую руку. Тяжеловато, конечно, но, с другой стороны, хоть какие-то вещи надо было взять. И так почти все бросила. В сравнении вполне можно считать, что ушла налегке.

Времени прошло немало. Привалы приходилось делать часто, и я даже умудрилась поспать, положив мешок под голову и укрывшись плащом. Наверное, обезболивающее зелье давало побочный снотворный эффект, иначе вряд ли бы я смогла уснуть на такой твердой земле.

Постепенно черные скалы приблизились, а вместе с ними и лес. Теперь было видно, что он состоит главным образом из хвойных деревьев. В первую очередь в глаза бросались мрачные силуэты елей — разлапистых, внушительных, с острыми верхушками, устремляющимися к небесам.

Существенно сузившаяся дорога привела меня непосредственно в это царство хвои, под

сень деревьев. Под ногами закрипели иголки. Я остановилась, чтобы в очередной раз перекинуть мешок из руки на плечо. И с задержкой в несколько секунд поняла, что опавшая хвоя скрипела не только под моими ногами.

Воспользоваться этим пониманием я не успела: из-за деревьев уже начали выходить люди. Темноволосые, небритые, вооруженные, одетые кто во что горазд. Словом, те самые разбойники, которых так опасался мой возница. Те, что давно не дают покоя торговцам и случайным странникам, рискующим проезжать поблизости от границы Темного Оплота. Вот ведь воистину не везет. Не хочет родина отпустить меня спокойно.

Я тяжело вздохнула и почти укоризненно посмотрела на мужчин. С дюжину, не меньше. Уже окружили; бежать некуда. Да я в любом случае не стала бы и пытаться. Далеко ли уйду, в своем-то нынешнем состоянии?

— Добро пожаловать в Кернский лес! — торжественно объявил один из них.

Парень лет тридцати. Мускулистый, зеленоглазый, в каждом движении ощущается сила, в каждом слове — уверенность в себе. Словом, наилучший вариант для любовника и наихудший, если перед вами — разбойник с большой дороги.

Надо же, какие они тут вежливые. Я наградила предполагаемого главаря мрачным взглядом исподлобья; отвечать не стала.

— Куда путь держите? — все с той же подчеркнутой вежливостью, которую я сочла издевательской, осведомился он.

Я вдруг подумала, что, пожалуй, никогда в жизни не видела столько брюнетов одновременно. И при других обстоятельствах наверняка бы обрадовалась этому явлению.

— В Темный Оплот, — жестко ответила я, отогнав неуместные мысли и глядя разбойнику прямо в глаза.

— На постоянное место жительства? — продолжил расспросы он, ничуть не смутившись моего взгляда.

Ну, еще бы разбойник чего-то смущался!

— Да, — кратко подтвердила я.

— Понятно.

Разбойник кивнул одному из своих товарищей, и тот без лишних слов и сантиментов подхватил мой вещевой мешок, отволоч в сторону и принялся в нем копать. Мог бы хоть для приличия несколько минут потерпеть. Хотя о чем я? Какие приличия?

Словно подтверждая мои мысли, еще один разбойник, улыбаясь, констатировал:

— Красивая!

За комплимент я благодарить не стала, совершенно не разделяя его восторга. Тем более что не красивая я вовсе. Нормальная. Но на безрыбье... Тут и так понятно.

Между тем все тот же зеленоглазый деловито поинтересовался:

— Серебро? Купюры? Украшения?

— Нету, — с показным злорадством отрезала я.

Вообще-то немного покривила душой: кое-какие деньги при мне были. Я не знала, пригодятся ли настрийские деньги в Оплоте, но на всякий случай прихватила. И пара-тройка украшений тоже имелась. Но, пока меня не начали обыскивать, оставалась призрачная надежда: а вдруг не найдут?

Разбойник вдруг впервые за все время нашего «знакомства» опустил глаза, будто сбился, а затем покачал головой.

— Вы меня не поняли, — серьезно сказал он. — Что *вы* предпочитаете получить?

Монеты? Бумажные деньги? Или украшения на ту же сумму?

Тут уж настала моя очередь оторопеть. Не поняла. Я что, настолько плачевно выгляжу, что меня даже разбойники решили пожалеть?

— Вы о чем? — осторожно осведомилась я. — О какой сумме?

— О подъемных, — просветил меня разбойник.

Я устало потерла виски.

— Вы что, штат разбойников таким образом расширяете?

Других предположений у меня, честное слово, не было, хотя и это представлялось бредовым до невозможности.

Парень улыбнулся, и, надо сказать, улыбка вышла донельзя обаятельная.

— Простите. Вы неверно истолковали ситуацию. Это для светлых мы — разбойники. А для своих — что-то вроде привратников. Просто местные хорошо нас знают, а новички в Оплот приходят редко, вот мы и не учли свой внешний вид.

Остальные одобрительно загомонили, заставив меня вновь оглядеть присутствующих. Меньше напоминать разбойников они от этого не стали, но их настрой и правда теперь показался мне вполне дружелюбным.

— Так вы что же, показываете дорогу в Оплот? — моргая, уточнила я.

— Ну, дорога-то здесь и так одна, не перепутать. Скорее встречаем, объясняем, что к чему, и выдаем подъемные. Деньги там, — он кивнул на уходящую к скалам дорогу, — мало что решают, но все равно на первое время подспорье.

— А почему их здесь, в лесу, выдают, а не в Оплоте? — удивилась я.

Наверное, все еще подозревала, что мне просто морочат голову.

— Так там и украсть могут! — отозвался разбойник таким тоном, будто говорил нечто само собой разумеющееся.

— А-а-а, — невыразительно протянула я.

— Потом поймете, — как-то грустно отмахнулся он.

При виде разбойника, страдающего из-за нравственного падения своих сограждан, я почувствовала, что совсем уж перестаю что-либо понимать в этой жизни.

— А как же...

Я обернулась в сторону того парня, что недавно так по-хозяйски унес мой мешок. И обнаружила, что в этот самый мешок как раз складывают аккуратные стопки вещей. Устроившийся на ближайшем пне разбойник (или привратник?) что-то записывал карандашом на листе бумаги.

Еще минута — и они завершили свое занятие. Тот, что делал записи, подошел к главарю.

— Одежда на первое время есть, — принялся деловито сообщать он, — кроме того, запас лекарств и основные предметы первой необходимости. Постель и посуду выдадут на месте. Мы добавили мазь для защиты от солнца, косынку, ножницы, набор для шитья, пару садовых инструментов, флакон с отгоняющей насекомых жидкостью... Еще еды маловато, хорошо бы крупы выдать на первое время.

— Вы что предпочитаете, гречку или пшенку? — осведомился у меня главарь.

— Гречку, — ответила я, смирившись с безумием ситуации.

— Добавьте, — кивнул тот.

Разбойник, забравший мой мешок, куда-то упорхнул, но почти сразу вернулся с еще одним мешочком, поменьше, зато набитым под завязку. Еще десять секунд спустя мои вещи были мне возвращены. Только на сей раз вместо одного не доверху наполненного мешка

имелось туго набитых два.

— Сейчас я отдам необходимые распоряжения и выделю вам пару ребят, они проводят до места, — пообещал главарь.

«Чтобы разбойники по дороге не напали?» — чуть не спросила я, но промолчала.

— Да, кстати. — Он снова обаятельно улыбнулся. — Простите мою неотесанность, совсем забыл представиться. Меня зовут Дик Грэй. А вас?

— Элайна Кенборт.

— Очень рад. Если понадобится помощь, обращайтесь.

И, поцеловав мне руку, он удалился в компании еще пары разбойников.

— Госпожа Элайна! — окликнул меня невысокий парень с густой шевелюрой. — Я — Берт.

Я вежливо молчала, предполагая, что вряд ли он обратился ко мне только для того, чтобы представиться. И оказалась права.

— Скажите, а что вы делаете в субботу вечером? — полюбопытствовал разбойник.

Я с трудом удержалась от желания схватиться за голову. Я вообще не представляла себе, что буду делать всю свою оставшуюся жизнь. Все планы пришлось похоронить, прошлое я перечеркнула, и дорога в Темный Оплот была по сути своей путем в неизвестность. В не меньшей степени, чем если бы я бросилась с моста в реку. А тут такая точность — в субботу вечером.

— Может быть, встретимся и сходим куда-нибудь? — предложил Берт, видимо, расценивший мое молчание как обнадеживающее. — Вы не подумайте, — поспешно добавил он, — у меня в субботу отпуск начинается, на целую неделю. Я за границу даже носа не высуну. А в Оплоте я законопослушный и добропорядочный гражданин.

Мои брови поползли к переносице. Когда Дик Грэй поцеловал мне руку, это казалось неким завершающим штрихом в абсурдности сложившейся ситуации. Отчего-то казалось, что больше удивить меня сегодня ничто не сможет. Но никогда не стоит зарекаться.

Мои размышления прервало громкое лошадиное ржание. Само животное находилось где-то за деревьями, поэтому увидеть, что происходит и кто едет, я не могла.

— Торговцы, две повозки! — сообщил неожиданно возникший откуда-то из тени Грэй. Все тут же засуетились, а он принялся деловито раздавать указания: — Вы заходите со стороны оврага, Мэл с Томом — к поваленному дереву, остальные — со мной. Элайна, подождите здесь, — извиняющимся тоном добавил он, прежде чем скрыться за еловыми ветками. — Мы скоро.

— Подождите, — поддержал его подскочивший с места Берт. — Я только грабану повозку и сразу вернусь.

И добропорядочный, законопослушный гражданин скрылся за деревьями вместе с остальными.

...Я стояла на границе Темного Оплота, со смешанными чувствами взирая на магическую преграду, защищавшую вход. Сопровождавшие меня разбойники без лишних слов растворились в тумане по ту сторону Грани Безопасности, оставив меня с нею один на один. Отлично понимая, что последний шаг, который раз и навсегда изменит мою судьбу, я должна сделать сама.

Со смесью тревоги и восхищения я взирала на магическую завесу, в действительности совершенно непохожую на забор. Скорее просто уплотнившийся воздух, фантастическим

образом переливающийся всеми цветами радуги. «Забор» парил в нескольких дюймах над землей, словно намеренно подтверждая таким образом свою магическую природу. В высоту в нем было не меньше трех ярдов, а протяженности хватало для того, чтобы полностью перекрыть проход между двумя неприступными черными скалами. Маги прошлого действительно нашли идеальный способ укрыться от преследователей.

Видимо, это неотъемлемая часть человеческой природы — недолюбливать тех, кто отличается от большинства. Но нелюбовь — это еще полбеды. А вот когда к ней примешивается страх, тут уж ничего хорошего меньшинству ждать не следует. Рано или поздно страх породит ненависть, а ненависть подтолкнет к действию. Источник страха пожелают уничтожить. И искать его станут, увы, не в головах. Устроить геноцид гораздо легче, чем сосуществовать с *другими* и методично вправлять мозги тому самому большинству.

Темные всегда были в меньшинстве, но цвет волос, разумеется, не имел принципиального значения сам по себе. Суть проблемы заключалась в другом: магия, доступная светловолосым и темноволосым, носит совершенно разную природу. Светлые воздействуют на физическую реальность. Они умеют передвигать предметы на расстоянии, создавать порталы, лечить ранения, создавать магический огонь. Не все разом, конечно: способности у каждого свои, к тому же встречаются как сильные маги, так и совсем слабенькие. Мы же, темные, воздействуем на человеческий мозг. Именно в этой способности — причина глубокого и зачастую иррационального страха, который испытывают по отношению к нам светловолосые. Неприязнь к меньшинству и страх перед неизвестным, помноженные на грамотную пропаганду, — и вот население Настрии уже верит, что темный маг способен за несколько минут полностью подчинить себе любого человека. Внушить тому новые мысли и чувства, вызвать зрительные и слуховые галлюцинации, отдавать телепатические приказы, которые в мгновение ока будут исполнены. И уже не важно, что эти рассказы — в огромной степени ложь, а темные совсем не так опасны. Чем разбираться, где истина, а где обман, проще уничтожить.

Возможно, темные маги и сами были отчасти виноваты в том, что обману поверили. Они не торопились опровергать слухи о своем всемогуществе. Причина проста: темноволосые надеялись обезопасить себя при помощи подобной лжи. Рассчитывали, что с ними побоятся связываться. И не рискнули пускаться в объяснения. Например, уточнять, что применить темную магию возможно лишь в том случае, если человеческий мозг расценивает данное конкретное воздействие как безопасное. И вовсе нельзя вот так вот запросто разрушить чужую волю, вмешаться в ход мыслей, заставить испытывать боль или тем более прыгнуть с обрыва. Но стоит ли сообщать тому, кто уже стал врагом, о том, что ты совсем не так силен, как о тебе до сих пор было принято думать?

Так или иначе, двести лет назад началась охота на темноволосых. Над городами Настрии взметнулось пламя костров. Те, кого не успели уничтожить в первые дни, бежали на восток и, миновав Кернский лес, укрылись в лежащей за ним пустоши. Путь туда был только один — через ущелье, и темные воспользовались этой географической особенностью, чтобы обезопасить себя. Целую ночь несколько десятков самых сильных магов не смыкали глаз. Итогом их труда стала Грань Безопасности — та самая магическая завеса, перед которой я стояла сейчас. Преграда, через которую не мог пройти ни один светлый, но миновать которую не составляло труда для темных.

На этом противостояние фактически закончилось. Поняв, что за Грань им не

прорваться, светлые возвратились домой. Жизнь потекла своим чередом, для каждой масти — отдельно. Поскольку «угроза» отсутствовала, агрессивный настрой населения Настрии постепенно сошел на нет. Ненависть сменилась опаской, опаска — легким предубеждением. В первое столетие темные, изредка рождавшиеся в светлых семьях (ведь, как известно, масть определяется не только генетикой), непременно попадали, позже или раньше, в Темный Оплот. В последнее же время такие, как я, спокойно жили и в Настрии.

Да, мои покойные родители были светловолосыми. Они любили меня, и я жила вполне счастливо, не слишком задумываясь о разделении людей по признаку масти. Соседи были людьми без предрассудков или, по меньшей мере, хорошо эти предрассудки скрывали. В школу я ходила специализированную, для темных, но была убеждена, что причина — в необходимости особого обучения. В стандартных «светлых» школах детей обучают пользоваться их магическими способностями. Поскольку темная магия имеет совершенно иную природу, вполне естественно, что и учатся темные отдельно.

На работу я тоже впоследствии устроилась вполне благополучно. И все же наступил момент, когда мне напомнили, кто я такая. И где мое место в мире светлых. Осознав это, я бросила все и отправилась туда, где стояла сейчас.

Последний шаг дался мне легко. Я ни о чем не сожалела. А Грань пропустила заблудшую дочь своей масти, не создав ни малейшего препятствия. Я даже не почувствовала, как оказалась на другой стороне.

Новая родина встретила меня не так чтобы недоброжелательно, но мрачно. Замеченная прежде серость никуда не делась. Справа и слева возвышались давящие на сознание черные скалы. Правда, когда мы миновали ущелье, они расступились, но по-прежнему виднелись как по сторонам, так и на горизонте.

Мы быстро добрались до первой деревни. Впечатление она производила не менее давящее, чем скалы. Нет, местные жители, занимавшиеся своими делами за старенькими, покосившимися местами заборами, смотрели мне вслед вполне дружелюбно и с любопытством. Но, совершенно независимо от нашего с разбойниками появления, их лица выражали усталость и хроническую напряженность. Даже одежда местных выглядела весьма плачевно: старая, латаная-перелатаная, нередко даже не подходящая по размеру. Домики тоже были старыми, давно не крашенными. Деревни, расположенные на территории Настрии, выглядели куда более опрятными.

Дойдя до конца улицы, мы свернули за угол, где меня ожидало и вовсе удручающее зрелище. Под опасно накренившимся ветхим забором, из которого было выломано несколько досок, сидели четверо молодых мужчин. Прикрыв глаза, они покачивались из стороны в сторону с блаженными улыбками на лицах.

— Наркоманы?

Я понизила голос, хотя мужчины, похоже, совершенно не реагировали на окружающую действительность.

Мэл и Том, мои провожатые, синхронно покачали головами.

— Наркотиков в Оплоте практически нет, — пояснил Мэл. — Это работа магов.

— Некоторые умеют так воздействовать на разум, что получается эффект как у наркотического опьянения, — добавил Том. — Здесь неподалеку один такой живет. К нему многие ходят.

— Но это же, наверное, незаконно? — изумилась я и только потом спохватилась, что

вряд ли разбойники оценят всю глубину данной конкретной претензии.

— В Оплоте — законно, — возразил Мэл.

— Настоящих-то наркотиков нет, — подхватил Том. — Так что пока не нарушается общественный порядок, власти претензий не предъявляют.

Я поморщилась. Как-то это было неправильно.

— Как бы это сказать... — попытался объяснить Мэл, от которого не укрылось мое настроение. — Не могут они запретить людям такие вот маленькие радости, раз не имеют возможности предоставить достойную замену.

— Вроде достойного уровня жизни? — предположила я.

— Именно, — облегченно кивнул Мэл, видя, что я оказалась из понятливых. — Ты не думай, не все живут в нищете, — поспешил успокоить меня он. — Тут многое от профессии зависит, кто чего умеет, от магических способностей опять же. Про это про все у тебя скоро спросят. Но вообще жизнь в Оплоте — не сахар. Ресурсов здесь мало. Земля неплодородная. Полезных залежей никаких не нашли. К тому же живем в отрыве от всего мира. Торговли с соседями практически нет, поскольку отношения сама знаешь какие. Так, обмениваемся кое-чем с жителями пары настрийских деревушек по мелочам — и то под большим секретом, поскольку для них это незаконно.

— С чего же тогда люди живут?

Я хмурилась, чем дальше, тем больше понимая, насколько недешево досталась темным жизнь и относительная свобода.

— Кое-что выращивать все-таки удастся, — отозвался Том. — За два века наловчились. Вехский лес опять же — там дичь водится, когда грибы растут, когда ежевика, травы кое-какие съедобные.

— В Карне, нашей местной речке, рыбу ловят, — подключился к перечислению Мэл. — Ну, и нас, само собой, не зазря на разбой снаряжают.

— Снаряжают? — изумленно переспросила я.

Кажется, до меня только теперь начинало доходить.

— А ты думала, это мы от дурного нрава или от безысходности? — хохотнул Том. — Нет, Элайна, это работа, такая же, как любая другая. А может, даже и более уважаемая.

— Мы же не для себя разбойничаем, — пояснил Мэл. — Работаем за жалованье. А вещи, которые нагребим, раздаются местным жителям. Потому и специализируемся в основном на торговцах. В телегах, которые мы сегодня остановили, например, лекарства везли на продажу. На прошлой неделе перехватили обоз с одеялами из козьей шерсти. Ну, и так далее.

— Понятно, — кивнула я. Разбойники на службе у государства... Похоже, мне предстоит основательная переоценка ценностей, если я намерена по-настоящему здесь прижиться... — А этическая сторона вопроса никого не беспокоит?

Все-таки не удержалась от уточнения.

Мужчины посмотрели на меня в равной степени удивленно.

— Да что этим светлым сделается? — пожал плечами Мэл. — Их же не убивает никто. Ну, ограбят разок-другой, ну, прибыли они лишатся. С голоду, небось, не умрут. А здесь люди и правда еле держатся, и, между прочим, по их, светлых, милости.

Дальше я развивать тему не стала. Все было ясно и так. В каком-то смысле разбойники, пожалуй что, правы. Каждый ограбленный светлый торговец перед Оплотом, конечно же, не виноват. Но светлое королевство в целом — да, и оно пожинает плоды собственной

политики. Как прошлой, так и нынешней. С другой стороны, есть ли королевству хоть какое-то дело до пострадавших торговцев?

Вскоре мы добрались до места. Одноэтажный домик, похожий на все остальные; правда, недавно покрашенный и с высоким крыльцом. Здесь провожатые оставили меня, перепоручив молодой черноволосой женщине, должно быть, всего на несколько лет старше меня. Одета она была не как крестьянка, а как чиновница. Как вскоре выяснилось, таковой она и являлась. Представилась она Анной Рейчен.

— Добро пожаловать в Темный Оплот!

Это были единственные торжественные слова. Дальше — никакой торжественности, никакого пафоса, совершенно деловой подход.

— Нам с вами нужно заполнить одну анкету, — объясняла она, когда мы уже сидели друг напротив друга за простым, но удобным столом.

Передо мной стояла глиняная кружка с налитой из графина водой. Вода вопреки испытанным мной опасениям была чистая, даже вкусная; скорее всего, родниковая. Повезло, что в Оплоте как минимум хватает источников питьевой воды.

Вооружившись карандашом, Анна взялась за список вопросов — видимо, ту самую анкету.

— Ответы мы отправим в городское отделение, после чего получим оттуда рекомендации касательно вашего трудоустройства, — дала дополнительное объяснение Анна. — До тех пор вы поживете здесь. Не беспокойтесь: расстояния у нас небольшие, так что долго ждать вам не придется. Итак, ваше имя — Элайна.

Я кивнула, а Анна принялась водить карандашом по бумаге.

— Фамилия?

— Кенборт.

— Место рождения?

— Настрия, город Тель-Мон. Нужен более точный адрес?

— Нет, этого достаточно, — качнула головой Анна, не отводя глаз от анкеты. — Место жительства перед отъездом?

— Тоже Тель-Мон.

— Возраст?

— Двадцать два года.

— Вы обучались в школе?

— Да. В тель-рейском отделении школы «Рока». Это учебное заведение для темных.

— Да, я знаю, — кивнула Анна, продолжая записывать.

Я глотнула воды из кружки, задумавшись, а насколько здесь вообще осведомлены о жизни в Настрии? С одной стороны, мои собратья по несчастью пусть нечасто, но все же регулярно сюда приходят. С другой — не читают же они лекции на тему «Быт и психология настрийцев» с помоста на базарной площади. Впрочем, я даже не знала, существуют ли здесь базарные площади и тем более помосты.

— Вы где-то работали после окончания школы? — последовал очередной вопрос.

— Да. В городской библиотеке Тель-Мона.

— Библиотекарем? — уточнила Анна.

— Да.

— Ух ты! Никогда прежде не грабил библиотекарей! — послышался от дверей воодушевленный возглас.

Я оглянулась и невольно расплылась в улыбке. В комнатке, небрежно облокотившись о дверной косяк, стоял Дик Грэй собственной персоной.

— Ты что, ограбил нашу новую жительницу?

Даже не глядя на Анну, только по голосу, я поняла, что она улыбается точно так же, как и я сама.

— Нет. — Обаятельный разбойник прошел в комнату, принес из угла третий стул и оседлал его, усевшись лицом к спинке. — Но мы сгруппировались, не представились как положено и основательно ее, бедную, напугали. А тут выясняется, что она еще и библиотекарь! Теперь мне стыдно вдвойне.

И он одарил нас чарующей улыбкой, наглядно демонстрировавшей, что никаким стыдом там и не пахнет. То есть я не сомневалась, что никто не собирался пугать меня умышленно. Но и угрызения совести явно не входили в число эмоций, регулярно испытываемых собеседником.

— Каким ветром тебя к нам занесло, Дик? — полюбопытствовала, по-прежнему улыбаясь, Анна.

— Очень удачный груз: повозка с медикаментами, — не без гордости сообщил разбойник. — Везем в город, чтобы распределяли там, но кое-что раздаем по пути наиболее нуждающимся.

— Неужели сердечные капли для старушки Клэр нашлись? — радостно всплеснула руками Анна.

— Именно, — подмигнул Дик. — А я решил лично сопроводить груз, чтобы не разворовали по дороге.

— Да брось, кто будет воровать лекарства?! — Анна аж возмутилась такому предположению.

— Лекарства, может, и не будут, — хмыкнул Дик. И, многозначительно понизив голос, добавил: — Но там еще и немало спирта.

Этот аргумент Анну убедил, да и меня тоже. Уж если здесь пользуется популярностью магический заменитель наркотиков, то спирт тем более имеет все шансы до лазарета не доехать. Однако понимание на лице Анны быстро сменилось умоляющим выражением.

— Дик, а если совсем чуть-чуть? — просительно протянула она.

— Так и быть, по старой дружбе.

И Дик протянул ей заткнутый пробкой флакончик. Анна радостно схватила его и быстро спрятала в карман платья. Выглядело все это так, будто девушке подарили контрабандные духи.

Интересно, для чего она собирается использовать подаренное? Положит в домашнюю аптечку? Или, разбавив водой, угостит пришедшего в гости кавалера? Подозреваю, что в местных условиях достать бутылку вина, мягко говоря, нетривиальная задача.

— Интересно, теперь вы будете предлагать иммигрантам брать подъемные спиртом? — со смешком полюбопытствовала я.

— Не-е-е, — энергично затряс головой Дик. — Что ты! Спирт — это слишком ценный товар. Но лично тебе могу немножко выдать.

— Ты, оказывается, очень выгодный знакомый, — рассмеялась я. — Но нет, спасибо, мне не надо. Ты же знаешь, я прихватила с собой аптечку.

Я даже сама не заметила, как мы с разбойником перешли на «ты».

— Вижу, что я отвлек вас от дела, — повинился он. — Будут возражения, если я пока

здесь посижу?

Мы дружно ответили, что возражений нет. Анна снова взялась за анкету.

— Твой магический дар?

Теперь, когда каждая из нас общалась с Диком по-свойски, обращение на «вы» между мной и Анной тоже звучало бы неестественно.

— Рефлексивный, — начала отвечать я, и Анна сделала соответствующую пометку.

Рефлексивный дар у темноволосых — это воздействие на свой собственный мозг.

— Усиление зрительной памяти, — продолжила я. — Мне достаточно пару секунд посмотреть на текст, чтобы сохранить его в памяти, не читая. И в любой момент воспроизвести. Объем очень большой. Так что грабить меня как библиотекаря было бы бессмысленно. — Я послала Дику победоносную улыбку. — Я действительно вожу с собой кучу книг, но все они у меня вот здесь.

И я изящным жестом прикоснулась к своему виску.

— Здорово! — протянула Анна и снова взялась за карандаш.

— Действительно здорово! — поддержал Дик. — Можешь считать, что ты уже устроена, — прибавил он с энтузиазмом. — Я же правильно понимаю, ты теперь можешь «читать» эти книги прямо из памяти?

Я кивнула.

— В этом вся идея. Я могу воспроизводить перед глазами нужную страницу и читать то, что на ней написано, даже если раньше текст не читала и понятия не имею, о чем там идет речь.

— Так здесь у нас это бесценный талант! — еще больше воодушевился разбойник. — Книг-то почти нет. Сама понимаешь: когда люди бежали от преследований, это была не та вещь первой необходимости, которую прихватывали с собой, уходя налегке. Ты могла бы читать людям вслух по вечерам, вроде как вместо сказителя.

— Думаешь, это кому-то нужно, при здешних-то условиях? — удивилась я.

— Да именно при здешних! — не принял моего возражения он. — Ты видела, как здесь люди живут? Для них все, что поднимает настроение, — как глоток свежего воздуха. А тут — множество историй, позволяющих развеяться и хоть ненадолго от упомянутых тобой условий отвлечься. Я надеюсь, в твоей записке есть что-нибудь развлекательное? Не только философские трактаты или всякие справочники по химии? Хотя справочникам тоже применение найдется...

— Да нет, главным образом как раз художественная литература, — сообщила я. — В том числе и не слишком сложная, такая, знаете, для подростков.

Суть заключалась в том, что именно на такую работу, о какой упомянул Дик, я прежде и нацеливалась. Библиотека была местом временным. Там я рассчитывала отточить свои магические навыки, а также «запасти» в своей памяти побольше книг. Но дальше я планировала найти такое место работы, где мои способности окажутся по-настоящему нужными. В библиотеке они лишь позволяли найти информацию быстрее, чем это делал обычный работник. Я же хотела оказаться там, где многочисленных книг не будет и мой дар по-настоящему пригодится. Была у меня, в частности, мысль сопровождать группы детей в устраиваемых для них поездках и «читать» им сохраненные в памяти истории. Отсюда и большое количество книг для подростков в моем «багаже».

Впрочем, не так чтобы я по опыту знала, что хорошо лажу с детьми. Просто не думала, что возникнут проблемы. Теперь же я начинала понимать, что темноволосая

сопровождающая уж точно не стала бы для светлых школьников авторитетом.

— Ну, вот видишь? Самое то! — между тем удовлетворенно отметил Дик.

— Да, но это хорошо как хобби. А ей ведь и на жизнь надо будет зарабатывать, — проявила профессионально-деловой подход Анна.

— Да ей за это жалованье дадут, — с уверенностью отмахнулся разбойник. — Впрочем, даже если бы и не дали. Люди за возможность ненадолго забыть, в какой заднице они находятся, последним куском с ней поделятся.

— Тише! — шикнула Анна.

Судя по тому, как поспешно она огляделась по сторонам, в реплике Дика ее смутила не лексика, а политическая неблагонадежность. Но Дик лишь снова небрежно махнул рукой. То ли разбойник был чересчур беспечным, то ли Анна — излишней паникершей.

На ночлег меня устроили к Грэтте, одинокой и немолодой уже женщине, жившей на краю деревни. Несмотря на не вызывавшую сомнений стесненность в средствах, крестьянка приняла меня более чем радушно. В сущности, до сих пор все темные, с которыми мне доводилось иметь дело в Кернском лесу и на территории Оплота, вели себя очень доброжелательно, и Грэтта не стала исключением. В ее скромном однокомнатном жилище я действительно на время почувствовала себя блудной дочерью, наконец возвратившейся домой.

Хозяйка и правда была готова поделиться последним куском, но я это стремление пресекла на корню и настояла на том, чтобы использовать выданную разбойниками гречку. А заодно остатки сыра, который я брала с собой в дорогу.

Спать укладывалась медленно и осторожно, следя за тем, чтобы сразу оказаться на левом боку. Уснуть же долго не могла. Лежала, смотрела в темноту прямо перед собой и думала, приведет ли к чему-нибудь хорошему мой переезд. Надумать ничего не могла по определению. Предвидеть будущее я не умела, знала пока слишком мало, а из Настрии все равно ушла бы. Часа через два мне надоело лежать на одном месте, не имея возможности даже переворачиваться с боку на бок. Я тихонько встала, обулась и на цыпочках вышла за дверь.

Снаружи оказалось свежо. Глубоко вдохнув прохладный ночной воздух, я облокотилась о невысокий забор и запрокинула голову. Наверху помигивали крохотные огоньки звезд. Далеко впереди возвышались скалы, чернота которых выделялась даже на фоне ночной тьмы.

— Возьми платок, девочка. — Спустившись с крыльца, Грэтта протянула мне предмет, который я бы скорее назвала коротким шарфом. — У нас обманчивые ночи. Кажутся теплыми, а простыть легче легкого.

— Спасибо. — Я накинула платок на плечи и сразу же зябко поежилась. То ли сработал рефлекс, то ли действительно сама не заметила, как замерзла. — Я вас все-таки разбудила?

— Я чутко сплю. Да мне много и не надо, — успокаивающе добавила она в ответ на мой виноватый взгляд. — Скажи лучше, что с тобой творится. Я же понимаю, что просто так никто всю свою жизнь не переворачивает. Это как-то связано с твоей больной спиной?

Я криво усмехнулась. Ничего-то от нее не скроешь.

— Связано, — подтвердила я, устремив взгляд в темноту.

— Что с ней?

— Да исполосовали не так давно.

Я все еще смотрела в ночь, но слышала, как Грэтта охнула.

— За что?

— Да так... Это даже смешно.

И я рассказала то, о чем и словом бы не обмолвилась ни с Диком, ни с Анной.

Смешно мне не было. У одного из посетителей библиотеки украли подвеску. Среди наших клиентов попадались весьма богатые люди, и подвеска эта, как выяснилось, была очень дорогой. Обвинили отчего-то меня, хотя реальные улики отсутствовали. Не говоря уж о том, что первый попавшийся дилетант не сумел бы снять с человека подвеску так, чтобы тот не заметил. А у меня, ясное дело, подобных навыков не было и быть не могло. Словом, то ли дело было сфабриковано, то ли после того, как произошло ограбление, власти решили, что удобнее всего свалить все на темную.

Когда мне в первый раз предъявили обвинение, я даже не слишком испугалась, настолько нелепой и шитой белыми нитками казалась вся официальная версия. Разумеется, я получила возможность высказаться перед следователями и даже принесла рекомендации с места работы. Меня заверили, что в деле разберутся, и я ушла, почти успокоенная. А две недели спустя меня вызвали снова. И зачитали документ, согласно которому моя вина считалась доказанной и я приговаривалась к «облегченному варианту» наказания — пятнадцати ударам плетью на площади перед мэрией, но без последующего тюремного заключения. Благодаря хорошим рекомендациям и отсутствию прежних судимостей. На официальном подтверждении приговора стояло две подписи — Лувера Сента, тель-монского градоначальника, и Александра Уилфорта, некой большой шишки из столицы.

Все еще веря в законодательную систему Настрии, я отправилась к градоначальнику с прошением о пересмотре дела. Прощение передал помощник, я же осталась снаружи, дожидаться, пока меня пригласят для беседы. Дверь помощник оставил приоткрытой, поэтому я хорошо услышала возмущенное восклицание Сента:

— Чтобы я еще и рассматривал апелляцию какой-то темной библиотекарши?! Эти темные совершенно обнаглели за последние годы! Пора напомнить им, где их настоящее место.

Разумеется, дело повторно не рассматривалось. Выходя на площадь, я думала только об одном: надо сохранить лицо. Надо принять произвол светлых, сохранив чувство собственного достоинства.

После второго удара о чувстве собственного достоинства я забыла. Осталась только боль и стремление как-то ее пережить. Из глаз градом покатились слезы. Я рыдала и орала, словно маленький ребенок.

Потом спину и пострадавшее правое плечо кое-как лечили, но, уж конечно, не привлекая для этого врачей, применяющих в своей работе светлую магию. А едва ко мне вернулась способность самостоятельно подниматься с кровати, я стала собирать вещи. Градоначальник решил напомнить, где мое настоящее место? Что ж, он был прав. Оно действительно не здесь. Но, к счастью, еще существовала земля, где темные не являлись людьми второго сорта. Туда-то я и направилась.

И сейчас, сколь бы сильно ни удручало меня тяжелое положение, в котором пребывали жители Темного Оплота, я ни секунды не сомневалась в правильности принятого решения. Пускай мое будущее скрывалось пока за пеленой неизвестности, пускай мое материальное положение окажется куда хуже, чем я когда-то рассчитывала, пусть гречневая каша станет самой роскошной едой на моем столе. Зато я буду знать, что являюсь равноправным

гражданином в своей стране. Что не должна ни перед кем оправдываться за цвет своих волос. И что в этой непростой жизни мы с соседями будем делиться последней тарелкой той самой каши, а не строчить друг на друга лживые доносы.

У Грэтты я прожила еще два дня. А на третий прибежала запыхавшаяся Анна и сообщила, что за мной приехали из города. Я поспешила следом за ней в уже знакомый домик с высоким крыльцом, приводя себя в порядок практически на ходу. Внутри нас поджидал черноволосый мужчина лет тридцати, по виду которого моментально можно было определить, что это отнюдь не деревенский житель. Выглядел он элегантно и одновременно весьма представительно, что наводило на мысль о человеке, состоящем на государственной службе. Светлый камзол, светлые же брюки, темная для контраста рубашка и короткие сапоги из коричневой кожи. В общем, несмотря на не слишком внушительный возраст гостя, волнение Анны нетрудно было понять. Мы явно имели дело с прибывшим из города начальством.

Мужчина, однако же, улыбнулся мне чрезвычайно приветливо. Поднялся со стула, едва мы вошли, и сразу шагнул мне навстречу, протягивая руку для пожатия.

— Добро пожаловать в Оплот, госпожа Кенборт! — радушно произнес он. — Прошу вас, присаживайтесь. Госпожа Рейчен, вы не будете возражать, если мы на время займем ваш кабинет? — обратился он к Анне.

— Конечно, конечно, — заверила девушка. — Мне все равно нужно зайти по нескольким адресам.

Когда мы остались одни, незнакомец сел на стул напротив меня (место за столом осталось незанятым) и представился:

— Брайан Коллинз, первый королевский советник по вопросам безопасности.

Должно быть, у меня заметно округлились глаза, да и сесть я инстинктивно попыталась поровнее. Во всяком случае, Коллинз поморщился и произнес:

— Госпожа Элайна, я сказал все это только для того, чтобы вы знали, с кем имеете дело, поскольку наша встреча официальна и так положено. Но это вовсе не повод напрягаться в моем присутствии. Поверьте, здесь, в Оплоте, к таким вещам относятся куда проще, чем в Настрии. Церемоний и формальностей у нас значительно меньше. В определенном смысле здесь все на равных. Не хотелось бы заводить пафосные речи, я сам их не люблю. Просто так уж сложилось. Перед общей бедой люди действительно равны.

Он виновато пожал плечами, прося таким образом прощения за вынужденный пафос. А затем закинул ногу на ногу, как бы отбрасывая таким образом официоз, и улыбнулся. Его улыбка была значительно более сдержанной, чем у Дика, но тоже обаятельной.

— Как прошли ваши первые дни в Оплоте? — осведомился он.

— Нормально.

Я не представляла себе, что еще можно сказать.

Он понимающе кивнул.

— Конечно, вы увидели не совсем то, чего ожидали. И для того, чтобы привыкнуть, потребуется некоторое время. Но, во всяком случае, все прошло благополучно? Никаких неприятных происшествий?

— Нет. Меня очень хорошо приняли, — искренне сказала я.

— Рад это слышать. Мне только кажется или вы хотите о чем-то меня спросить, но не решаетесь это сделать?

— Честно говоря, да. — Раз уж он так проницателен, воспользуюсь предоставленной возможностью. Вряд ли этот вопрос всерьез чем-то мне грозит. — Скажите, неужели всех иммигрантов встречает лично первый королевский советник?

Коллинз весело рассмеялся.

— На самом деле все довольно просто, — ответил он затем. — Во-первых, я нередко приезжаю в эту деревню, чтобы лично проверить ситуацию на границе. Можете спросить здесь любого. Во-вторых, иммигрантов в последние десятилетия к нам прибывает очень мало. Темноволосых в Настрии, как вы знаете, совсем немного, к тому же на сегодняшний день власти не ведут открытую политику преследований.

Я опустила глаза. Да, наверное, так оно и есть. Ключевое слово — «открытую». Хотя как, в таком случае, расценивать мою собственную историю?

Похоже, моя реакция не укрылась от зоркого взгляда собеседника, но он предпочел не акцентировать на ней внимания.

— Так что приезд каждого иммигранта для нас — действительно своего рода событие, — продолжал он. — Не всех я встречаю лично, но я действительно сам просматриваю все анкеты. Скажу вам даже больше: его величеству тоже известны имена всех прибывающих.

Коллинз озорно мне подмигнул, догадываясь, как может отреагировать на подобное заявление человек, никогда в жизни даже не приближавшийся к королевским персонам. Похоже, здесь к подобным вещам и вправду относятся проще. Уверена, что уж король Настрии, светловолосый Пабло Второй, точно никогда не слышал моего имени.

— И, наконец, в-третьих, ваша анкета показалась нам перспективной, — все-таки признался Коллинз.

— С точки зрения трудоустройства? — уточнила я.

— Именно, — подтвердил он. — О подробностях мы с вами поговорим немного позднее. Сначала мы должны будем протестировать ваши способности, к тому же обсуждать эту тему будет лучше в другой обстановке.

Он как бы между делом бросил взгляд на окно. Хотя оно и было закрыто, подслушать наш разговор снаружи не составило бы труда. Правда, скажу честно, я сомневалась, что это кому-нибудь было нужно.

— На данный же момент я уполномочен предложить вам перебраться в город, — перешел к делу Коллинз. — Если вы не имеете возражений, можем поехать туда вместе, и я помогу вам устроиться.

— Что, прямо сейчас? — нахмурилась я, сбитая с толку такой поспешностью.

Брюнет понимающе, даже сочувственно, улыбнулся.

— Полагаю, Анна объяснила вам, чего следует ожидать в ближайшее время?

— Она сказала, что мою анкету отправят в город. А оттуда придут рекомендации касательно того, где мне лучше работать, — осторожно ответила я.

— Совершенно верно. А от того, где вы будете работать, напрямую зависит и место жительства. Госпожа Элайна, я хочу, чтобы вы полностью представляли себе ситуацию. Как и все граждане Оплота, вы — свободный человек и не обязаны следовать нашим рекомендациям. Это исключительно рекомендации и предложения, не более того. Но, во-первых, учитывая сложную ситуацию в Оплоте, их имеет смысл по меньшей мере взвесить. А во-вторых, в данном конкретном случае — в том, что касается переезда в город, — я действительно не вижу причин для отказа. Здесь общественные интересы полностью

совпадают с вашими. Во-первых, наилучшее применение вашим талантам найдется именно там. Во-вторых, вы всю свою жизнь прожили в городах, а именно в Тель-Моне и, во время учебы, Тель-Рее. Стало быть, вряд ли вам понравится жить в деревне. А в-третьих, поверьте мне на слово, — он слегка понизил голос, — условия жизни в городе пусть и далеки от идеала, все же ощутимо лучше, чем здесь. Понимаю: вас может пугать необходимость уехать в сопровождении совершенно незнакомого человека. Если вас смущает именно это, можете смело расспросить обо мне своих новых знакомых. Я подожду, — заверил Коллинз с излишне легкомысленной для человека его профессии улыбкой.

Впрочем, у него и возраст был несколько странный для человека такого рода занятий. Однако же в деревне его знали хорошо. Я все-таки сочла нужным навести справки, хоть и не сделала это настолько открыто, как он мне предлагал. Просто пошла собираться в дорогу, а уж попутно заскочила попрощаться к паре человек, ну, и перекинулась с ними заодно несколькими словами о новом знакомом. Причин подозревать обман вроде бы не было, а жизнь в деревне действительно нисколько меня не привлекала.

Коллинз спросил, умею ли я ездить верхом, и обрадовался, услышав положительный ответ. Сказал, что в противном случае пришлось бы одалживать у местных телегу. Это было вполне реально, но существенно замедлило бы наше передвижение. А так мы доберемся до города всего за несколько часов.

— Здесь все говорят о «городе», — заметила я, когда деревня осталась позади, а дорога расширилась достаточно, чтобы позволить двум лошадям спокойно продвигаться бок о бок. — А у него есть какое-нибудь название?

— Вообще-то было, — усмехнулся Коллинз. — Когда его основали сто восемьдесят четыре года назад, назвали Сторрок. Но название не прижилось. Поскольку это единственный город в Оплоте, его так все время и называли — «Город». В итоге изначальное название вытеснилось и забылось. На сегодняшний день его мало кто сможет вспомнить. Даже в официальных документах в последнее время используется формулировка «Город Темного Оплота».

— А деревни? — поинтересовалась я. — Их много?

— Деревень и поселков порядочно, — откликнулся мой сопровождающий. — Главным образом у берегов Карны.

Да, конечно, это было логично. Река дает как воду, так и пищу. Наверняка в тех деревнях много рыбаков.

— Господин Коллинз, а...

— Зовите меня Брайан, — морщась, попросил он.

— Хорошо, — легко согласилась я, поскольку и сама предпочитала обходиться без официоза.

Согласилась-то легко, но ощущение абсурда, едва-едва успевшее меня покинуть, нахлынуло с новой силой. Сначала разбойники деньги предлагают, потом первый королевский советник просит обращаться по имени... Надеюсь, хоть король не потребует перейти на «ты», не то я рискую окончательно потерять жизненные ориентиры...

— Только в таком случае вы называете меня Элайна, — предупредила я.

— Договорились, — улыбнулся он. — Так о чем вы хотели меня спросить?

— Это правда, что деньги в Оплоте почти не в ходу?

— Не то чтобы не в ходу... Просто при нехватке ресурсов далеко не все решают деньги. Даже имея достаточную сумму, чтобы что-то купить, это что-то надо еще *достать*. Связи

порой помогают в этом вопросе куда лучше денег. Кроме того, люди нередко обмениваются вещами и продуктами, минуя деньги. Но, конечно, в городской жизни медь и серебро значат больше, чем в деревнях.

До города мы добрались ближе к вечеру. Большой частью он не слишком отличался от деревни, только домов было много, в то время как поля остались далеко позади. В свете опускающегося к черным скалам солнца я оглядывала маленькие кузницы, лотки с товарами, работающих прямо на улице мастеров. Впечатление складывалось такое, будто в развитии это место отставало от наших, настрийских, поселений лет на сто. Хотя почему «наших»? Пора перестать связывать Настрию с местоимениями первого лица.

К северу виднелись башни какого-то замка. Брайан объяснил мне, что это — единственный замок в Оплоте, резиденция короля. Замок был построен еще до той поры, когда темные бежали в эти места, но к моменту основания Оплота оказался заброшен. Жить в здешних условиях светлые аристократы не пожелали. Темные же замок отремонтировали, привели в порядок, и теперь там жил король, а также многие его приближенные, включая и самого Брайана.

Наш путь, однако, лежал не туда. Замок располагался возле самого леса, а его южное крыло вплотную примыкало к скалам. В итоге разрастись вокруг него город физически не мог, и замок оказался на окраине. Мы же направлялись к центральной части города, более удаленной от леса. Это место производило куда менее тягостное впечатление, чем деревня. Здесь даже обнаружилась мощеная площадь (пусть она и была вымощена грубым, неровным булыжником), помост и несколько двух- и трехэтажных зданий.

Именно в одном из них меня и устроили. Насколько я поняла из объяснений Брайана, это было королевское здание, в левом крыле которого располагались в основном кабинеты различных государственных деятелей (не всем же жить и работать в замке его величества), а несколько комнат в правом предназначались «для гостей». Фактически это крыло представляло собой нечто вроде гостиницы; правда, на место в здешних комнатах мог рассчитывать далеко не любой приезжий.

Пожелав мне хорошего отдыха и пообещав навеститься завтра поутру, Брайан оставил меня в одиночестве. Одиночество было желанным, поскольку я основательно устала. И не могла бы сказать, от чего сильнее — от поездки или от впечатлений. Я чувствовала, что окончательно запугалась в происходящем. Вместо того чтобы потихоньку раскладывать факты и события по полочкам, каждый новый день лишь вносил в мои мысли все больший хаос. Вот, например, сейчас я сидела в комнате, обставленной если не богато, то, во всяком случае, весьма комфортно. Мягкая мебель, камин, картины на стенах, на столе — даже ваза из розового стекла. Ужин, который мне принесла вежливая и обходительная служанка, был вкусным и плотным и вряд ли хоть чем-то уступал ужину в хорошей настрийской таверне. Если в Оплоте так плохо обстоит дело с ресурсами, откуда такая роскошь? И как же то самое пресловутое равенство, о котором вдохновенно и как будто искренне твердил Брайан? Ладно, допустим, я и не рассчитывала увидеть страну, в которой начисто отсутствует различие между богатыми и бедными. Понятно в конце концов, что король не живет так же, как деревенский кузнец. Да и не от такого неравенства я бежала. Но кто бы мне объяснил, каким образом «по эту сторону» неравенства оказалась я? Еще вчера я ночевала у крестьянки, для которой горшок гречневой каши — это практически пир. А сегодня ужинаю в обстановке, которая вполне устроила бы многих настрийских дворян. И за какие, спрашивается, заслуги?

Несмотря на пухнувшую от таких мыслей голову, заснула я быстро. В силу накопившейся усталости мягкая постель легко вытеснила размышления о том, откуда же эта самая постель взялась. Проснулась я отдохнувшей и, как ни странно, бодрой. А в половине одиннадцатого за мной пришел Брайан.

К этому времени я давно уже была на ногах и, признаться, успела как следует поволноваться из-за его отсутствия. Не так чтобы я точно знала, чего ожидать от первого королевского советника по каким-то там вопросам, однако он был единственным звеном, хоть как-то связывавшим меня с окружающей неизвестностью. Выяснилось, что он не торопился с визитом просто потому, что счел нужным дать мне выспаться. Теперь мы вместе отправились в королевский замок.

Здесьняя внутренняя обстановка и вовсе впечатляла. Дорогие ковры, отнюдь не проеденные молью, позолоченные канделябры, расписанные потолки, вышколенные слуги и богато одетые придворные. Впрочем, последних было не слишком много, и вид они имели деловой, так что, возможно, это были не столько придворные в нашем обычном понимании, сколько местные министры или советники вроде Брайана.

С чувством облегчения я обнаружила, что провели меня не на аудиенцию к монарху, а в рабочий кабинет моего провожатого. Кабинет этот также выгодно отличался от помещения, в котором работала Анна, и был обставлен как положено. Хотя к чести Брайана стоит сказать, что, пока мы общались в домике с высоким крыльцом, он ни разу не позволил себе брезгливого или пренебрежительного взгляда по сторонам.

— Я понимаю, что вас смущает, — грустно улыбнулся Брайан после того, как мы устроились в мягких, удобных креслах. — Прошу вас лишь об одном: постарайтесь не делать поспешных выводов. В Оплоте действительно не хватает ресурсов, и именно поэтому управление такой страной — особенно серьезная работа. Когда ресурсов мало, становится как никогда важно правильно их распределять. Да, люди живут здесь тяжело, и все же никто не умирает с голоду. Мы также стараемся по мере сил заботиться о том, чтобы все получали прочие предметы первой необходимости. В какой-то мере вы видели это по прибытии. Мы занимаемся очисткой речной воды, стараемся обеспечить нуждающихся лекарствами. Увы, мы не имеем возможности пользоваться при лечении магией светлых; зато в Вехском лесу растет множество целебных трав. В свое время мы вложили немалые средства в исследование их свойств. Ну, а помимо повседневной жизни есть еще и вопросы безопасности. Что бы ни заявляли светлые во всеуслышание, нам известно, что они не собираются надолго оставлять нас в покое. И мы обязаны быть готовыми... — Он устало потер лоб. — Одним словом, поймите правильно, Элайна. Образно говоря, такие вопросы невозможно конструктивно решать на голодный желудок. А кроме того, король — это символ. Его имя объединяет людей и внушает им надежду. Он должен одеваться по фигуре, носить дорогие украшения, ездить в красивой карете и жить в соответствующе обставленном замке.

— Кстати, а как здесь появился король? — полюбопытствовала я.

Насколько мне было известно, в Настрии никогда не существовало темных династий. Следовательно, нынешний король никак не мог быть потомком какого-нибудь отверженного принца.

— Почти сразу после образования Оплота люди сами выбрали короля из своих рядов, — охотно объяснил Брайан. — Выбирали наиболее достойного. Учитывая обстоятельства, к тому моменту беженцы успели проявить как свои лучшие, так и худшие качества. Но также

позаботились и о том, чтобы избранник был аристократом по происхождению; это укрепляло его статус. А далее королевскую власть наследовали, как и везде. Нынешний монарх, Луис Пятый, довольно-таки молод: ему двадцать семь лет. Кстати, он в ряде вопросов неприхотлив, хотя, — Брайан озорно улыбнулся, — очень любит вкусно поесть. Зато он, например, основал в городе бесплатный музей искусств и передал туда большую часть картин, прежде украшавших помещения замка.

— Я правильно понимаю, что сегодня его не увижу? — осторожно спросила я о том, что по-прежнему меня беспокоило.

Быть может, по законам Настрии он и не являлся законным монархом, однако же двести лет правления — это вполне внушительный срок для любой династии.

— К сожалению, вы правы, — подтвердил Брайан, чем сильно меня порадовал. — Его величество осведомлен о вашем приезде и уполномочил меня передать вам пожелания скорой и успешной акклиматизации. Ему было бы очень интересно с вами познакомиться, но, увы, у него много государственных дел, и сегодня он никак не сможет выделить время. Впрочем, я практически уверен, что вы еще увидите, и неоднократно, — заметил советник, добавив таким образом в бочку меда положенную ложку дегтя.

— Что ж, в таком случае, может быть, вы расскажете, о чем собирались со мной поговорить? — предложила я.

Меня все же сильно интересовало, какого рода работу мне планировали предложить. Что-то подсказывало, что отнюдь не чтение книжек подданным.

— Вы правы, настало время перейти к делу. — Брайан улыбнулся, но как-то кисло, будто сам предпочел бы просто поболтать. — Перво-наперво, если вы не возражаете, я бы хотел оценить уровень ваших магических способностей. Вы не будете против небольшой проверки?

— Нет, конечно, — откликнулась я.

Если работа, на которую меня предполагали взять, подразумевала использование темной магии, совершенно очевидно, что работодатель захочет сначала проверить мои возможности. В конце концов, мало ли что написали в анкете под мою диктовку.

Брайан перешел к столу и извлек из ящика лист бумаги.

— Сейчас я передам вам этот документ. Описание некоего проекта, ничего существенного. Вы посмотрите на него в течение... ну, скажем, пяти секунд. А затем максимально точно передадите мне содержание документа.

— Я могу заранее направить магические потоки? — уточнила я.

Все-таки хорошо иметь дело с темным. Не нужно вдаваться в подробности: он и так понимает, какого рода подготовку я имею в виду.

— Разумеется.

— В таком случае мне хватит и трех секунд.

— Как скажете, — улыбнулся Брайан, давая понять, что раз уж я сама вызвалась, поблажек не будет.

Я настроилась, нужным образом концентрируя энергетические потоки.

— Готовы?

— Да.

Приготовившись следить за временем, Брайан вручил мне лист. Через три секунды он забрал документ.

— А теперь постарайтесь передать содержание текста с максимально возможной

точностью.

Он не положил перед собой оригинальный документ. Вместо этого вооружился чистым листом и пером, приготовившись записывать с моих слов. Видимо, собирался затем проверить, сколько именно ошибок я допустила. Я постаралась спрятать улыбку. Вероятность ошибиться была не более высокой, чем если бы я зачитывала текст с листа. Собственно, можно сказать, что именно так оно и было.

Брайан записал текст от начала и до конца. Поскольку его почерк оказался более крупным, чем у человека, писавшего оригинал, получилось больше одной страницы: под конец лист пришлось перевернуть. Брайан скрупулезно сравнил два документа и удовлетворенно покивал. Результат его впечатлил.

— Скажите, вы заносили в память роман «Крыло чайки»? — осведомился он.

Это не было попыткой ткнуть пальцем в небо. «Крыло чайки» считалось классикой и входило в число книг, которые необходимо прочитать, чтобы с полным правом назвать себя образованным человеком. Правда, я не знала, как с этим обстоит дело в Оплоте.

На заданный вопрос я ответила утвердительно.

— В таком случае, не могли бы вы зачитать мне второй параграф сверху на 88-й странице?

Я так и сделала.

— Благодарю вас, — кивнул Брайан. — Предложение о работе мы с вами обсудим завтра. Мне необходимо предварительно получить согласие кое-кого из заинтересованных лиц. Но, честно говоря, я не сомневаюсь в их положительном ответе. А пока... Я бы хотел попросить вас рассказать мне все, что вы знаете о сегодняшней Настрии.

— А... что именно вас интересует?

Столь общий вопрос сбил меня с толку.

— Беда в том, что я и сам заранее не знаю, что именно может оказаться нам полезным, — откликнулся он. — И именно поэтому прошу вас рассказать как можно больше. Не так чтобы мы ничего не знали о Настрии. Конечно, мы отделены от мира Гранью Безопасности, однако у нас имеется кое-какая агентурная сеть. Тем не менее наши возможности весьма ограничены. Поэтому любая информация, которую мы можем получить, необыкновенно ценна. Политические новости, светская хроника, экономическая ситуация в том же Тель-Моне или Тель-Рее — все это может оказаться полезным. А может не оказаться; тут уж как повезет.

Брайан устремил в пространство задумчивый взгляд.

— А для чего вам это нужно?

Вроде бы я и понимала, что задаю глупый вопрос: политика есть политика. Но хотелось получить более конкретный ответ. Ведь Оплот действительно существовал, отгородившись от мира. Контакты с Настрией, насколько мне было известно, ограничивались нападением команды Дика на светлых торговцев да нелегальным обменом товарами с некоторыми предприимчивыми настрийцами. Или я ошибалась?

Брайан перевел на меня задумчивый взор, потом криво улыбнулся.

— Потому что о врагах нужно знать как можно больше.

— Вы хотите сказать, что Настрия представляет угрозу для Оплота?

— Вне всяких сомнений.

Признаться, такого поворота я прежде не ожидала. Оплот казался мне местом пусть не самым жизнерадостным, но, во всяком случае, по-настоящему безопасным для темных.

Одним словом, *оплотом*.

— Но ведь... как же Грань Безопасности?

— Грань Безопасности чрезвычайно важна, — согласился Брайан. — Она спасала нас на протяжении двух сотен лет. Но магия не стоит на месте. Рано или поздно светлые найдут способ преодолеть эту преграду. Возможно, не сейчас. Возможно, спустя еще двести лет. Но мы должны быть готовы к такому повороту. Учитывая их численное преимущество и магические возможности, у нас нет ни малейшего шанса победить в военном конфликте. Поэтому приходится искать другие пути. А для этого требуется информация.

— Но я полагала, что светлые давно уже не стремятся прорваться в Оплот.

Я все еще пыталась сохранить для себя недавнюю картину мира. Уже далекую от идеальной, но, по крайней мере, более безопасную и надежную.

— Такова официальная версия. — Брюнет выдвинул ящик стола и убрал в него обе копии документа. — Но у нас есть причины сомневаться в ее правдивости. Например, мы получили информацию о том, что светлые маги изучают свойства Грани Безопасности. Спрашивается, с какой целью. Кроме того, нам известно, что в Настрии возобновились притеснения темноволосых. Опять же неофициально, но де-факто подобное происходит все чаще.

Я инстинктивно сжала губы. Брайан, скорее всего, не имел представления о конкретной причине, побудившей меня искать убежища в Оплоде. Я пока не обмолвилась об этом ни словом, а больше никто, кроме Грэтты, не был в курсе. Однако же он не мог не догадываться, что место жительства я сменила отнюдь не от хорошей жизни.

Проницательный взгляд собеседника подтверждал мое предположение.

— А мы видим свою задачу не только в охране самого Оплота, — продолжал советник. — Но и в защите темных вообще, в том числе и тех, что обитают в Настрии. И для того, чтобы оказать реальную помощь, нам, опять же, нужна информация.

— Я понимаю, — с готовностью кивнула я. — Только мне помогли бы наводящие вопросы.

Беседа продлилась около двух часов. Наконец Брайан поблагодарил меня за помощь и сказал, что на сегодня это все.

— Теперь вы можете отдохнуть, походить по городу, оглядеться. Я вынужден остаться здесь, но обязательно распоряжусь, чтобы вас проводили в ваши комнаты или в любое другое место по вашему усмотрению.

Он замолчал. Казалось бы, я могла уходить, вот только молчание было каким-то вязким, неоконченным. Взгляд Брайана, то устремлявшийся на меня, то принимавшийся бесцельно блуждать по кабинету, не отпускал. Будто брюнет хотел сказать что-то еще, но то ли не знал, как это сделать, то ли не решался. Облизнув пересохшие губы, он посмотрел на меня в упор... и снова отвел глаза.

— Элайна... — проговорил он, когда я уже отчаялась разобраться в происходящем и собиралась встать, чтобы покинуть кабинет. Может, он именно этого и ждал? Не знал, как бы повежливее намекнуть, что не нуждается больше в моем присутствии? — Вы не будете возражать, если я приглашу вас на ужин сегодня вечером? После работы? Не подумайте ничего дурного. В центре города есть одна весьма приличная ресторация... Возможно, сравнения с лучшими заведениями Настрии она и не выдерживает, но там приятная атмосфера и варят очень хороший кофе...

Брайан замолчал и теперь напряженно ждал ответа. Сейчас он выглядел не как

королевский советник, а скорее как Берт, объяснявший мне, что разбоем занимается только за границей, а в Оплоте он — чрезвычайно благонадежный, законопослушный гражданин...

— Ну конечно, — улыбнулась я. — Мне будет приятно провести вечер не в одиночестве. Лицо советника озарилось улыбкой.

Вечер действительно прошел чрезвычайно приятно. Место мне понравилось, там даже играли двое музыкантов, и кормили, само собой, весьма вкусно. О делах речи не заходило. Мы беседовали о книгах, о музыке, о специфических погодных условиях в Оплоте — в общем, о чем угодно, только не о политике и не об исходящей от светлых угрозе. Постепенно я успокоилась и даже почувствовала, что действительно отдыхаю душой, как и положено в подобных заведениях. Брайан был отличным собеседником. В общем-то, я понимала это и раньше, но до сих пор наши разговоры портило чувство неловкости и сложные темы, избежать которых было невозможно в силу обстоятельств. Сейчас же, когда он непринужденно болтал о нейтральных вещах, пересказывал ходившие по Оплоту анекдоты или вспоминал забавные истории из своей служебной жизни, я получала от общения подлинное удовольствие. И не могла не заметить, несмотря на скудность освещения (то ли тут создавали интимную обстановку, то ли банально сэкономили на свечах), что мой собеседник весьма интересен внешне. Возможно, даже красив. Проницательные темно-карие глаза, правильные черты лица, обаятельная улыбка. Элегантность и одновременно легкая непринужденность во всем облике, включая жесты и манеру держаться. И даже светлый костюм на удивление хорошо вписывался в этот образ.

В ресторации мы просидели, наверное, пару часов. Затем немного погуляли по городу; точнее сказать, по центральной его части. Брайан указал на здание королевского музея и пообещал как-нибудь сводить меня туда в дневное время, когда музей бывает открыт. Вызвался проводить меня до моего временного пристанища. Зданием дело не ограничилось. Как-то так само собой получилось, что мы вместе дошли до двери в комнату. А когда настало время прощаться, рука Брайана скользнула по моим волосам и прикоснулась к щеке.

Это не было неприятно. Наоборот. Сильная рука — и мягкое прикосновение. Обещание защиты. Я сама слегка запрокинула голову. Чуть приоткрылись расслабленные губы. О дальнейшем он позаботился сам.

Открыта и снова захлопнута дверь. Темная комната; лишь за окном — немногочисленные звезды с той стороны, где небо не закрывает высокая черная скала. Жажечь свечи? Ни к чему. Мы падаем на кровать, постепенно избавляясь от ненужной одежды. Прочь мишуру. Прочь сомнения. Жизнь изменилась настолько, что для стыда и условностей в ней все равно не осталось места. Если есть возможность получить что-то хорошее сегодня, не следует его пренебрегать. Какие сюрпризы преподнесет завтра, не знает никто.

А сейчас все понятно, впервые за эти сумасшедшие дни. Есть я, и есть мужчина, к которому меня влечет. Его нежные, бережные ласки, на которые я тоже отвечаю лаской. И раздвигаю бедра, позволяя ему довести эту случайную близость до высшей ступени. Внутри меня — даже не знаю, в теле или в душе, — разрастается чувство безумной, практически животной эйфории. Зажмурившись, я отпускаю в свободный полет накопившееся напряжение не только последних дней, но и всего последнего месяца. Больная спина, конечно же, то и дело дает о себе знать, тем более что я не стала принимать обезболивающее зелье в обществе Брайана. Но даже боль сейчас не помеха, я почти ее не замечаю, есть

намного более важные ощущения, на которых и следует сосредоточиться. И я даже позволяю себе закричать, когда напряжение выхлестывается из меня последним, мощным рывком. И в изнеможении затихаю в крепких и надежных объятиях Брайана.

Несмотря на темноту, шрамы на моей спине он в тот вечер все-таки углядел. Пришлось объяснить причину, хотя о многом брюнет догадался почти сразу. С его губ слетели крайне нелицеприятные эпитеты в адрес светлых. Брайан пообещал обеспечить мне самое лучшее лечение, которое только возможно на территории Оплота. Слово свое он сдержал.

А на следующий день мы, как и было запланировано, снова сидели в его кабинете, расположенном в королевском замке.

— Как я и ожидал, я получил положительный ответ на свой запрос. — В тоне Брайана ощущалась легкая неуверенность. Словно он точно знает, что говорить, но сомневается, следует ли это делать. — Теперь я уполномочен предложить тебе работу в моем ведомстве, то есть на государственной службе. Видишь ли...

— Что-то не так? — спросила я, чувствуя его неуверенность.

Брайан вздохнул.

— Видишь ли, работа, которую я собираюсь тебе предложить, далеко не самая легкая и сопряжена с определенным риском. Я хочу честно предупредить тебя об этом с самого начала. Правда, вознаграждается она соответственно. Но я отлично знаю, что ты не из тех, кого можно купить. Важнее другое. — Он очень серьезно посмотрел мне в глаза. — На этой должности ты сможешь принести огромную пользу Оплоту. Не лично мне, не королю, а всем нам. И я даже не уверен, существует ли другая сфера деятельности, в которой можно было бы принести такую же пользу.

— Странно, — проговорила я, натужно улыбнувшись. — Я никогда не замечала за собой подобных талантов.

— Ты себя недооцениваешь, — откликнулся Брайан.

— И что я должна буду делать?

— То, для чего предназначен твой магический талант. Собирать информацию.

Я была не настолько глупа, чтобы не суметь сделать выводы. Данных в моем распоряжении было более чем достаточно. Но это не означает, что собственные догадки меня не шокировали.

— Ты предлагаешь мне стать шпионкой?

— Агентом, — поправил меня Брайан. — Или, если хочешь, разведчицей.

— Но суть от этого не меняется.

— Тут у каждого своя позиция, — отозвался он. — С моей субъективной точки зрения, от этого меняется абсолютно все. Я не хочу называть своих агентов шпионами, потому что их цель — защита. Мы работаем для того, чтобы защитить людей темной масти. Не позволить светлым вторгнуться в Оплот и устроить такую же резню, как в Настрии двести лет назад. И, насколько возможно, помочь тем темным, которые по-прежнему проживают под настрийским флагом. Признаюсь честно: я не хотел бы подвергать риску лично тебя. — Он выразительно на меня посмотрел. — Не теперь. Но не могу не осознавать, что именно ты можешь оказать нам огромную помощь. Поэтому решать придется тебе самой.

— Почему ты считаешь меня настолько полезной? Я никогда не занималась ничем даже отдаленно похожим.

Брайан с улыбкой подлил воды в мой опустевший стакан.

— Посуди сама, Элайна. Как ты думаешь, насколько коренные жители Оплота подходят

на роль разведчиков? Эти люди выросли здесь, за Гранью Безопасности. Они никогда не бывали за границей. Не только в Настрии, но и в какой-либо другой стране (поскольку, кроме как через Настрию, отсюда никуда не попасть). Они не представляют себе, что такое жизнь за пределами Оплота. Конечно, их многому можно обучить, но большинство из них никогда не сумеют по-настоящему хорошо сыграть роль настрийца. Они проколются очень быстро, и беда в том, что мы даже не сможем заранее предугадать, на чем именно. Это просто люди из другого мира. Некоторые из них, наиболее способные, справляются с ролью информаторов. Им удается жить в настрийских городах, не привлекая к себе лишнего внимания, и потихоньку собирать слухи и сплетни. Читать газеты. И сообщать нам то, что удастся разузнать. В случае необходимости они также способны сыграть роль связных. Такие агенты тоже нужны. Но этого недостаточно.

Поэтому мы всегда уделяем особое внимание иммигрантам. Людям, которые знакомы с жизнью в Настрии не понаслышке. И которым при этом мы с высокой степенью вероятности можем доверять. Однако и тут бывают сложности. Далеко не каждый иммигрант обладает подходящими способностями, характером, интеллектом, наконец, чтобы заниматься подобной деятельностью.

— А я обладаю... — недоверчиво фыркнула я.

— Конечно. — В тоне Брайана не было и тени сомнения. — Ты очень сильный человек, Элайна. Хотя, возможно, по причине молодости не успела это понять. После того что с тобой случилось, ты не сломалась, не забилась в угол, не возненавидела весь мир. Да, ты озлобилась на светлых — но в меру, совершенно оправданно, пропорционально их поступку. Рационально подошла к вопросу и, что немаловажно, нашла в себе силы изменить свою жизнь.

Я отнеслась к его словам скептически. В моем представлении, я именно что озлобилась, и по-своему сломалась, и действовала не столько рационально, сколько под влиянием все той же злости. Плюс, возможно, интуиции, которую едва ли можно приравнять к здравому смыслу. Но я продолжила слушать.

— Конечно же, первое, на что мы обратили внимание, прочитав твою анкету, — это твой дар. При сборе информации он бесценен. И кроме того — что стало особенно важным для меня теперь — он существенно снижает риск для тебя лично.

— Каким образом? — удивилась я.

— Представь себе, что нам необходимо получить сведения, содержащиеся в некоем документе, — предложил Брайан. — Это не записка из двух строчек, которую с легкостью запомнит любой, а, скажем, длинное письмо с массой терминов, данных и цифр. Или шифровка. Или, например, чертеж. Что будет делать в этой ситуации обычный агент? Он может похитить документ. В этом случае пропажу быстро обнаружат и попытаются перехватить. Другой вариант — этот документ скопировать. Но тогда агенту придется надолго задержаться на месте «преступления». Либо уйти сразу, скопировать документ на безопасной территории и снова вернуться, чтобы положить его на место. Значит, по меньшей мере ему придется рисковать дважды. К тому же не исключено, что пропажу заметят и за этот короткий срок. Тебе же достаточно один раз бегло взглянуть на бумагу — и все. Ты возвращаешь ее на место и со спокойной совестью, как ни в чем не бывало идешь дальше по своим делам. Вероятность быть застигнутой сведена к минимуму. Скорее всего, никто даже не заподозрит, что к документу прикасались посторонние.

— Но ценные документы наверняка хранятся не у простых обывателей, а у аристократов

и людей, приближенных ко двору. — Я вроде бы не планировала соглашаться — и тем не менее предоставляла Брайану возможность меня убедить. — А я не вхожу в такие круги. И даже если создать мне... как это называется... легенду? Ну да, так вот, все равно я не смогу изобразить аристократку. Это как в случае с жителем из Оплота, пытающимся сыграть настрейца. Слишком много нюансов.

— Тебе и не придется изображать аристократку, — успокаивающе улыбнулся Брайан. — Есть масса других способов попасть в нужное место, не вызывая подозрений.

— Вроде трубочиста, который пришел разобраться с дымящим камином? — подозрительно покосилась на него я.

— И это тоже, — согласился Брайан. — Но, конечно же, не в твоём случае. Я думаю, тебе больше всего подошли бы два варианта, — протянул он, прищурившись. — Ученый и журналист. Первый — лучше всего. Ученый, который попросил разрешения исследовать старинный дом (а аристократы чаще всего живут именно в таковых), или осмотреть какую-нибудь ценную картину, или посетить личную библиотеку. Это очень хорошее прикрытие, особенно учитывая, что никакие вещи в результате твоего появления в доме не пропадут. Следовательно, подозрения не возникнут даже задним числом. Журналист — это чуть хуже, поскольку за представителями этой братии в любом случае стараются присматривать. Но если не подойдет первый вариант, уверен, ты сумеешь сыграть роль представителя какой-нибудь газеты.

— Ладно, допустим. Но секретные документы не лежат на столе в комнате для посетителей. Их надежно прячут, как правило, в сейфах.

— Вскрывать сейфы тебя научат, — сказал он таким тоном, будто это вообще не было проблемой. — Равно как и другим необходимым навыкам. Мы действительно позаботимся о том, чтобы свести риск к минимуму.

— Ну хорошо, а как же цвет моих волос? Подданных темной масти в Настрии не так уж и много. Не единицы, конечно, так что несколько раз легенда сработает. Но если темноволосая ученая или журналистка начнет регулярно появляться в домах аристократов, хранящих секретные документы, на это рано или поздно обратят внимание.

— Конечно, — согласился Брайан. — Поэтому большую часть времени ты будешь работать в парике.

— Издеваешься? — возмутилась я. Надеюсь, после проведенной вместе ночи я могла позволить себе такую фамильярность. — Чтобы меня моментально раскрыли? Право слово, если тебе по какой-то причине нужно от меня избавиться, гораздо проще зарезать меня прямо сейчас и прикопать где-нибудь в лесу. Кажется, он совсем рядом.

— Не кипятись, — хмыкнул Брайан. — Я рад, что ты мыслишь критически, но ты не знаешь всех нюансов. Это будет не такой парик, какие ты привыкла видеть. Наши умельцы научились делать парики, совершенно неотличимые от настоящих волос. Ты удивишься, когда увидишь.

— Серьезно? — переспросила я, все еще недоверчиво хмурясь.

— Абсолютно, — заверил Брайан. — Мы же не идиоты — отправлять собственных агентов на верную смерть. А убивать тебя, как ты верно заметила, у меня нет ровным счетом никаких причин. Да и желания, представь себе, тоже. К тому же, Элайна, я ни на чем не настаиваю. — Он пересел поближе и взял меня за руку. — В каком-то смысле мне было бы намного лучше, если бы ты осталась здесь и никогда больше не выходила за Грань Безопасности. Но с другой стороны, я обязан заботиться не только о своих личных

предпочтениях, но и об интересах Оплота. А факт остается фактом: для нас ты — редкая находка. И для тебя это тоже определенный шанс. Не только шанс на хорошие условия жизни здесь, в Оплоте, хотя это само собой разумеется. Но и возможность принести пользу. Многие посмеялись бы над моими словами, но не ты. Знаешь, как бы это ни выглядело со стороны, моя работа в действительности очень нелегкая. Как правило, она не оставляет времени даже на то, чтобы нормально спать по ночам. Но мне очень помогает сознание того, что я занимаюсь по-настоящему нужным делом. Делом, важным для темных. И, насколько я могу судить, ты сделана из того же теста. Для тебя это тоже будет иметь значение. А в том, что ты сможешь по-настоящему помочь, я ни секунды не сомневаюсь. Ты уже видела, что творят светлые, Элайна. Им необходимо препятствовать. В меру наших сил.

Я сидела, устремив взгляд в пол, и думала над услышанным. Настроение было мрачное. Да, это совсем не та работа, о которой я мечтала. И раз за разом возвращаться в Настрию мне совсем не хотелось. Я не чувствовала себя обязанной Брайану за это предложение и без труда сказала бы «нет», но... Что-то было в его последних словах. Если я могу чем-то помочь другим темным, если какая-нибудь девушка сможет избежать наказания за преступление, которого не совершала... Я не упущу такой возможности. Да и потом, я слишком сильно изменилась за последнее время. Сумею ли я теперь вести спокойную жизнь и рассказывать детишкам сказки? Что-то подсказывало: такая идиллия отныне не для меня.

— Я подумаю, — медленно сказала я.

Глава 1

(три года спустя)

Соскочив с лошади, я бросила поводья выбежавшему навстречу мальчишке. Стащила чересседельную сумку, перекинула ее через плечо и зашагала к замку. Дежурившие на входе стражники сразу же расступились.

— Привет, Барни! — Я помахала рукой одному из них.

— Добро пожаловать, госпожа Элайна! — откликнулся тот, просияв.

Оказавшись в желанной прохладе замка (солнце в Оплоте палило нещадно), я сбросила сумку на пол и отвела за уши налипшие на лоб волосы. Светлый парик, один из многих, покоился в моих вещах с того момента, как я въехала в Кернский лес и, как водится, повстречала там Дика и его ребят. Краем глаза отметив, как сумку подхватил еще один мальчишка-слуга, я устремилась вверх по лестнице.

Голоса послышались почти сразу, а преодолев три пролета, я увидела и говоривших. Меня тоже заметили.

— О, Элайна! — радостно воскликнул Брайан и призывно помахал мне рукой.

— С возвращением, госпожа Кенборт, — вежливо произнес его собеседник.

Официально Роберт Кеннингтон был королевским советником по военным вопросам. Этот серьезный, крайне редко улыбающийся сорокалетний мужчина организовывал учения для стражей и обучал военному делу местных добровольцев. Однако, увы, жители Оплота в любом случае проигрывали светлым как числом, так и качеством оружия. Поэтому часть работы Кеннингтона проходила как раз по ведомству Брайана и имела непосредственное отношение к внешней безопасности Оплота.

— Благодарю вас.

Я с легкостью преодолела последний пролет — брючный костюм для верховой езды не стеснял движений, разве что каблуки сапог очень громко стучали — и присоединилась к мужчинам.

— Как прошла поездка? — спросил Брайан, внимательно вглядываясь в мое лицо, словно пытался прочесть ответ прежде, чем его услышит.

— Хорошо, — кратко сообщила я.

Вдаваться в подробности прямо посреди лестницы я, понятное дело, не собиралась. Но из моего ответа следовало главное: документы «у меня», точнее сказать — в моей памяти и ничего экстренного во время операции не произошло.

Брайан кивнул, показывая, что все это понял.

— Информация нужна тебе срочно? — осведомилась я.

Вовсе не для проформы: я действительно была готова в случае необходимости сразу же засесть у себя в кабинете за копирование документов по памяти. Но Брайан с мягкой улыбкой покачал головой.

— Нет-нет, никакой срочности. Сначала отдохни.

Это радовало. Переодеться и умыться с дороги будет приятно. Да и перекусить не помешает: разбойники хоть меня и угощали, но сколько с тех пор минуло часов?

Перекинувшись с мужчинами еще парой фраз, я собралась было отправиться в свои комнаты, но тут меня перехватил поднявшийся по лестнице стражник. Барни, тот самый, с которым я поздоровалась на входе. Как видно, только что состоялась смена караула.

— Госпожа Элайна! — обратился он, остановившись в нескольких ступеньках от меня и смущенно косясь на королевских советников.

Заговаривать в их присутствии ему было неловко, но слишком уж не терпелось задать свой вопрос.

— Что, Барни?

— А вы сегодня сказку будете рассказывать?

Вообще-то стражник водил на чтения своих дочерей, но спрашивал с такой интонацией, словно этот крупный усатый мужчина приходил послушать мои истории ради собственного удовольствия. И, вероятнее всего, в этом было много правды.

— Буду, Барни, — улыбнулась я.

— Отлично! — радостно воскликнул он и, довольный, устремился вниз по лестнице, рассказать остальным хорошие новости.

— Ты бы отдохнула, в первый-то день, — проворчал Брайан.

— Ничего, до восьми еще успею, — весело отмахнулась я.

По чтениям я и сама успела соскучиться.

Официально именно они и считались моим занятием. Вечерами на площади собирался и стар и млад, и я читала им то сказки, то истории посерьезнее. Дик оказался прав: люди нуждались в подобной отдушине. К тому же, как показала практика, у меня неплохо получалось читать с выражением. Так что жители Оплота получали от чтений искреннее удовольствие.

Устраивались такие мероприятия далеко не каждый день, в частности для того, чтобы не привлекать излишнее внимание к моим отлучкам. Кроме того, по официальной опять-таки версии, я время от времени уезжала, чтобы устраивать аналогичные чтения в деревнях (что я действительно делала, но значительно реже), в том числе и самых удаленных.

С наслаждением отлежавшись в ванне после долгой езды верхом, я оделась в чистое, выбрав на сей раз не костюм, а платье, расчесала мокрые волосы и поела. Обед подали прямо в одну из отведенных мне комнат. Затем перешла в кабинет, положила перед собой несколько чистых листов и приступила к копированию. Всего полчаса спустя на столе лежала стопка из пяти документов, которые отличались от оригиналов лишь почерком да отсутствием подписей. Зато их братья мирно хранились на территории Настрии в своих сейфах. И их обладатели понятия не имели, что в этих сейфах кто-то успел похозяйничать.

Закончив работу, я на всякий случай еще раз просмотрела документы, а затем направилась к Брайану. О встрече мы не договаривались, но опыт подсказывал, что он меня ждет.

Так оно и было. Постучав в дверь кабинета, я сразу же услышала приглашение войти. Брайан сидел не за столом, а в кресле.

— Рад тебя видеть, — улыбнулся он, вставая мне навстречу. — Хочешь чаю? Или, может быть, вина?

Он усадил меня в точно такое же кресло, а сам направился к застекленному шкафчику, в котором хранились напитки и посуда для оных.

— Чаю — с удовольствием, — откликнулась я, нагибаясь вперед, чтобы положить документы на низкий столик. — Но только не вина. Не могу его видеть. Эти настрийские аристократы считают своим долгом угощать посетителей красным полусухим вином. А я терпеть его не могу. Оно все время кажется мне кислым. Но отказываться нельзя, чтобы не обидеть хозяев.

— Понимаю.

Советник спрятал документы в ящик рабочего стола и лишь после этого позвонил в колокольчик, вызывая слугу. Когда тот отправился за чайником, Брайан нежно потрепал меня по руке и сел напротив.

— Хоть немного отдохнула?

Я согласно прикрыла глаза.

— Вполне.

Мы с Брайаном уже давно не были любовниками. Наши тесные отношения продлились около года и постепенно, сами собой, сошли на нет. Точнее, переросли в приятельские, с оттенком ностальгической нежности. Семьи или просто постоянного партнера не было пока ни у одного из нас. Я совершенно к этому не стремилась. Брайану, кажется, нравилась какая-то девушка из Оплота, жившая за пределами города, но я ни разу ее не видела.

Слуга налил нам обоим чай и удалился. Лишь после этого Брайан извлек из ящика предварительно спрятанные документы и принялся читать. Можно было бы предположить, что он внимательно знакомится с их содержанием. Но я-то знала, что сейчас это был так, беглый просмотр. Вот позднее, когда я уйду, а прочие дела будут закончены, он уединится с документами и станет скрупулезно изучать каждое слово, вдумываясь не только в содержание, но и в то, что написано между строк.

Я уже успела допить свой чай и закусить парой пирожных, когда, подняв наконец глаза от текста, Брайан спросил:

— Все прошло без проблем?

— Абсолютно. — Я презрительно скривилась. — У большинства светлых аристократов такие сейфы — приходи и бери, что сочтешь нужным. Честное слово, поразительная небрежность. Вот эту декларацию, — я указала на один из листов, — вообще секретной не считают, так что она просто лежала в ящике стола, даже не запертом. А эти два черновика хранились в сейфе, но настолько легко, что у меня ушло три минуты на все сразу: найти сейф, открыть, запомнить текст и вернуть все, как было.

— И как ты объяснила хозяевам кратковременное отсутствие? — любопытствовал Брайан.

— А никак, — отозвалась я, откидывая голову на спинку. — Следовала урокам Болдвина. Он меня в свое время научил, что, если удаляешься на несколько минут, лучше всего просто промолчать о причинах. Тогда все будут уверены, что гость выходил по естественной надобности, и, вероятнее всего, даже этого не запомнят. А «гость» вроде бы как даже не солгал.

— Болдвин — хороший специалист, — покивал Брайан. — Ему будет приятно, что ты помнишь его советы. Он очень тобой гордится, называет своей самой талантливой ученицей.

— Да ладно, — отмахнулась я, хоть похвала и была приятна. — Ничего такого сверхъестественного я не делаю.

— Сверхъестественное делают боги. А мы — люди, и тем не менее от нас требуется порой почти невозможное. Ты даже не представляешь, как много делаешь для Оплота.

Я пожала плечами, заглядывая в почти пустую чашку. Я действительно не представляла. В мои задачи входило добыть информацию. Как ее впоследствии применяли, да и применяли ли вообще, я понятия не имела. Никаких улучшений в жизни Оплота я не видела, но, впрочем, глупо было бы ожидать, что они произойдут за три года — после двух тяжелых веков. В жизни настрийских темных, насколько я могла судить, тоже мало что изменилось.

— Значит, будешь сегодня читать? — улыбнулся Брайан. — А что именно?

— Да вот, — я задумчиво провела пальцем по столику, — думаю, как раз эти документы и прочитаю.

— Смешно, — фыркнул Брайан.

— Что, разве нет? — хмыкнула я. — Да я еще не решила на самом деле, но уж точно что-нибудь более веселое. Какую-нибудь сказку для детей и взрослых, как обычно.

— Хорошо, — кивнул он. — Я уже распорядился, чтобы все подготовили. Надеюсь, ты не обидишься, если я сам на сей раз послушать не приду? Очень много дел, и с твоими трофеями надо основательно поработать.

— Конечно, не обижусь, — заверила я. — И для тебя по большому благу могу прочитать ту же самую сказку персонально, когда угодно.

Я усмехнулась, отлично зная, что Брайан — прагматик и сказками особо не увлекается, хотя на мои чтения несколько раз приходил. И, главное, дел у него с лихвой хватает всегда. Да и на личных встречах нам всегда бывает что обсудить помимо художественной литературы.

— Спасибо за чай. Я пойду подготовлюсь.

— Удачи!

Брайан поднялся, чтобы меня проводить. Но я точно знала: едва за мной закроется дверь, он вернется к столу, чтобы вновь сосредоточиться на документах.

К чтениям все оказалось действительно готово. Над площадью были традиционно развешаны разноцветные фонарики. Никакой светлой магии тут, естественно, не использовалось. Самые обыкновенные фонари с самым обыкновенным цветным стеклом. Но атмосферу они создавали удивительную.

Людей тоже собралось множество. В основном приходили семьями, хотя встречались здесь и компании подростков, и парочки, рассчитывающие главным образом поцеловаться под романтическими фонариками. Наиболее шустрые уже заполнили помост, оставив, правда, свободное место в центре для меня. Остальные устроились на площади кто как мог; главным образом, сидели прямо на мостовой. На лошади было теперь не проехать, но я не слышала, чтобы кто-нибудь был в обиде. В конце концов, при необходимости найти объездной путь совсем не сложно.

Сама я расположилась на стуле; не из соображений удобства, а чтобы меня было лучше слышно. Казалось бы, собравшаяся на площади публика не должна быть особенно организованной, и тем не менее почти сразу же наступила тишина. И я приступила к чтению.

Пробьют часы двенадцать раз,
Просить отсрочку бесполезно.
Я появлюсь в толпе сейчас,
Чтоб навсегда затем исчезнуть.
Ступеней мрамор одолев,
Покинув холод коридора,
Пройду походкой королев —
И в зале смолкнут разговоры.
Меня приветствует король.
Отвечу вежливо и кратко.

Играть таинственную роль
Так горько мне и так же сладко.
Я знаю, что наступит час,
Когда сполна за все отвечу.
Но принц с меня не сводит глаз,
И я иду ему навстречу.
Не будет проку от вранья,
Но осознаю слишком поздно:
Ему нужна совсем не я,
А тот фантом, что феей создан.
Сомненья прячу под засов:
К чему печалиться без толку?
Но раздается бой часов,
И счастье бьется на осколки.
Сгорают заживо мосты,
Пути назад в лохмотьях нету.
Золой становятся мечты,
Как тыквой спелой — карета.
От униженья и стыда
Глаз от земли поднять не смею.
О, как жестоко иногда
Над нами шутят наши феи!
На одиноком берегу
Вода песок холодный лижет.
Я жить, как прежде, не смогу,
А новой жизни — не увижу.
Дождем пропитана земля,
Смывает ночь былые краски.
Лишь башмачок из хрусталя
Напомнит мне о старой сказке.

Первая история вышла печальной, поэтому следующую я выбрала, напротив, веселую — чтобы поднять людям настроение.

Сказать, как я встретил свою жену?
Не будет ли эля у вас глоточка?
Король (не хочу называть страну)
Решил исцелить от недуга дочку.
Не зла, не крива, хороша собой,
Практически нет у нее изъянов.
Такую бы замуж позвал любой.
Одно только плохо — что Несмеяна.
В столице, в поселках, в лесной глуши
Герольды читали слова закона:

«Смелычак, королевну смешить спеши —
И станешь наследником новым трона!»
К ней ринулись принцы, купцы, князья,
Поехал крестьянин на дряхлой кляче,
Отправились в замок мои друзья,
Я тоже решил попытать удачу.
Недаром однажды мудрец сказал,
Что юмор в печали любой — опора.
Меня проводила служанка в зал,
Где все женихи ожидали спора.
Один анекдот рассказал — и что ж?
Царевна ответила грустным взглядом.
Хотя анекдот был вполне хорош:
Служанка хихикала тихо рядом.
Другой клоунаду учил всерьез —
Нас всех впечатлило искусство мима.
Служанка смеялась почти до слез,
С царевной же снова весь номер — мимо.
А третий, пожалуй, был всех умней,
Хотя обнаглел, полагаю, слишком.
Представьте: он просто подходит к ней
И молча щекочет ее под мышкой.
Принцесса с испугу (а не со зла)
Толкнула его, и раздался грохот.
Служанка тихонько под стол сползла,
Оттуда звучал приглушенный хохот.
В итоге надел я перчатки, фрак,
Да взял и женился, весьма успешно.
На ком? На царевне? Я что, дурак?
Да нет, на служанке ее, конечно!

Брайан пригласил меня для делового разговора всего несколько дней спустя. Я немного удивилась: обычно после «командировки» в Настрию мне давали пару недель спокойного отдыха дома. А в том, что Брайан позвал меня не просто так, а в связи с новым делом, я не сомневалась. Ну что ж, видимо, появилось что-то особенно срочное. Я была не в обиде: работа есть работа, я сама такую выбрала и, главное, ничуть в этом выборе не раскаивалась.

Когда я вошла в кабинет, Брайан был на ногах и вид имел весьма озабоченный. Тем не менее приветливо улыбнулся и предложил мне сесть.

— Что случилось?

Я не имела привычки ходить вокруг да около.

— Вот. Прочитай пока.

Брайан положил передо мной на стол какую-то газету и отошел к шкафу. Я проследила за ним взглядом. Выглядел он чрезвычайно нервно. Снова опустила глаза на газету. «Темный вестник», единственное в Оплоте издание. Выходило раз в месяц (чаще при

здешних ресурсах возможности не было). Фактически проект являлся благотворительным: цена на газеты назначалась чисто символическая, а жители особенно бедных деревень вполне могли рассчитывать на пару бесплатных экземпляров. Писалось в этих газетах в первую очередь о жизни Оплота, но попадались порой статьи и о Настрии. Главным образом, когда дело касалось проживающих там темных.

И вот сейчас при взгляде на первую полосу я моментально выхватила глазами выведенную крупными буквами надпись: «Гибель шести темных подростков в окрестностях Тель-Рея: несчастный случай или преступление?»

Я посмотрела на Брайана. Он только мрачно кивнул на газету — дескать, читай. Так я и сделала. Под жирным заголовком было написано следующее:

«Страшная трагедия произошла в минувший вторник на дороге, ведущей к развалинам крепости Толл. Группа учащихся школы для темных мальчиков «Клифтон» отправилась на экскурсию по крепости, являющейся одной из наиболее древних достопримечательностей Настрии. Шестерых двенадцатилетних школьников сопровождали двое взрослых — учитель истории и кучер, оба темноволосые. Крепость расположена на вершине холма, и большой участок ведущей к ней дороги тянется вдоль крутого обрыва. Тем не менее школьников регулярно возят туда на экскурсии, и до сих пор ни одного несчастного случая не было зафиксировано. На этот раз, увы, дело обстоит иначе. Не доехав до места назначения всего двух сотен ярдов, повозка упала с обрыва. Все восемь человек погибли.

Безутешные родители погибших мальчиков потребовали проведения тщательного расследования. Увы, светлые власти отнеслись к своей задаче без должного рвения. Фактически расследование было спущено на тормозах. Известно, что на момент выезда с территории школы кучер был трезв и здоров, лошадь подкована, а колеса повозки — тщательно проверены. Причин трагедии власти так и не обнаружили. Лорд Александр Уилфорт, приближенный Пабло Второго, курирующий тель-рейский округ, лично прибыл на место событий.

«Я чрезвычайно сожалею о случившемся и хочу передать глубочайшие соболезнования семьям погибших, — произнес традиционные, явно заученные слова он. — Увы, никаких улик, которые бы проясняли обстоятельства случившегося, обнаружить не удалось. По всей видимости, мы имеем дело с несчастным случаем, ужасающим своей трагичностью. Возможно, лошадь чего-то испугалась или же кучер утратил бдительность».

Однако подобные заявления внушают серьезные сомнения в компетентности следственных органов либо — что более вероятно — в их стремлении докопаться до истины.

Многие уже объявили случившееся самым страшным преступлением против темной масти за последние два века.

«Речь, вне всяких сомнений, идет о преднамеренном убийстве, — заявил при беседе с нашим репортером королевский советник Роберт Кеннингтон. — Его величество Луис Пятый придерживается той же точки зрения. Если бы за преступлением не стояли светлые власти, следствие, вероятно, дало бы плоды. Кроме того, подозрительным представляется тот факт, что дорога, по которой беспрепятственно проезжали многие поколения школьников, неожиданно оказалась смертельно опасной именно для учащихся школы для темных. К сожалению, очень похоже на то, что мы имеем дело с возвращением к прежним временам. В последнее время темноволосых подданных Настрии притесняют все сильнее, теперь же светлые пошли на убийство, причем — убийство детей».

Каким окажется следующий шаг светлых? Чего нам ожидать в ближайшем будущем? Увы, пока ни у кого нет ответа. Однако перспективы открываются безрадостные».

Я дочитала, но продолжала сидеть молча. Мне не нравился пафос, которым грешил «Темный вестник», да и многие настрийские издания тоже. Тем не менее я склонялась к тому, чтобы согласиться с репортерами. Даже если дети не были убиты по приказу властей, наверняка здесь приложил руку кто-нибудь из настрийцев, ненавидящих темноволосых. А светлые власти его покрывали, и это красноречиво свидетельствовало об их позиции по данному вопросу. Увы, ничего нового я в этом не видела. Вот только масштабы возросли, и теперь в шести семьях жизнь никогда не станет такой, как прежде.

Разумеется, я обратила внимание и на имя Александра Уилфорта. Сказать по правде, на этого человека я злилась значительно меньше, чем на мэра Тель-Мона. Продолжительные размышления привели меня к выводу, что большая шишка из столицы вполне могла не знать подробностей дела. «Уважаемый человек» сообщил, что дело раскрыто, и лорд без лишних вопросов поставил свою подпись. Однако теперь, после этой статьи, я по-новому посмотрела на участие Уилфорта в моей истории. Двойное совпадение — это, конечно, возможно, но маловероятно. Хорошо еще, если речь идет только о халатности, но мне так не казалось. Увы, гораздо больше все это походило на злой умысел.

Я почувствовала, как в груди закипает гнев. Дети-то чем ему не угодили! Ладно еще взрослая библиотекарь, хотя и она при всем желании (коего не имела) не смогла бы перебежать дорогу могущественному лорду. Я так и видела перед собой этого Уилфорта — светловолосого, идеально причесанного, аккуратно и богато одетого, с аристократическими манерами и непроницаемым взглядом. Никогда не встречала этого человека, но отчего-то была уверена, что он выглядит именно так. И мне невероятно хотелось плюнуть в его холеное лицо.

— Что скажешь? — поинтересовался Брайан, возвращая меня в реальность.

Я даже выдохнула с облегчением. Никаких Уилфортов, никаких светлых. Я дома, в Оплоте, и кругом все свои.

Понадобилась пара секунд, чтобы вновь собраться с мыслями.

— На мой вкус, слишком много слов, но в целом их версия кажется вероятной, — ответила я.

— Она не просто вероятна, — серьезно произнес Брайан. — Она правдива.

Я вскинула голову и посмотрела на него, прищурившись.

— Ты знаешь больше, чем сказано здесь, верно?

— Ты права. — Брайан наконец-то опустился в кресло. — Вчера вернулся агент из Иллойи. Кроме того, кое-какая информация у меня была и прежде. Не по этой трагедии, разумеется. Просто сейчас части картины складываются в единое целое.

— И что же тебе известно?

— Думаю, ты обратила внимание на имя Александра Уилфорта?

Я лишь зло усмехнулась. Еще бы я не обратила на него внимания.

— Так вот, — Брайан с пониманием отнесся к такой реакции, — этот человек ненавидит темных. Впрочем, возможно, я выразился неверно. Не исключено, что ненависти к темной масти Уилфорт не испытывает; возможно, все дело в интересах вполне прагматического характера. Не исключено, что он просто стремится сделать головокружительную политическую карьеру. Борьба с теми, кого население и без того тихо

ненавидит, — весьма неплохой способ. Какова бы ни была подлинная причина, мне досконально известно одно: Уилфорт работает против темных и нынешними мерами не ограничится. Он начал с незначительных притеснений, ограничений в правах, наказаний по абсурдным обвинениям. А два месяца назад замахнулся на темные школы.

— В каком смысле замахнулся? — не поняла я.

— Где-то это было... — задумчиво пробормотал Брайан. Подошел к шкафу, распахнул дверцу и принялся рыться в стопке газет. — Вот. — Он вернулся и положил передо мной одну из них. — Если вкратце, то Уилфорт приказал закрыть школы для темных. Сеть «Рока» закрывается по всей стране. Школы продолжают действовать лишь до конца учебного года. Некоторые учебные заведения, такие как «Клифтон», директорам пока удалось отстоять. Честно говоря, я подозреваю, что одна из целей убийства — именно в этом. Добиться закрытия школы, а вслед за ним — и других, еще оставшихся. Наверняка теперь многие родители предпочтут забрать детей домой, дабы не подвергать их опасности.

— Но зачем это все? — в недоумении спросила я. — Я не спрашиваю, зачем война с темными. Это данность, и ее не переделать. Но почему именно школы?

— К сожалению, все очень просто, Элайна. Как ни банально это звучит, дети — наше будущее. Подумай, что случится, если темноволосые дети перестанут посещать специальные школы.

Я медленно распрямила спину.

— Когда дети вырастут, они не сумеют полноценно пользоваться своими магическими способностями. Некоторые даже не узнают, в чем именно их способности заключаются. О том, чтобы развивать магический дар, речи и вовсе идти не будет.

— Все правильно. Даже если физической расправы не будет, темная магия окончательно вымрет на территории Настрии максимум за два поколения. Нас хотят если не истребить физически, то, во всяком случае, уничтожить как масть. Впрочем, учитывая последние события, физическое устранение кажется не таким уж нереальным.

— Но раньше он не действовал настолько... смело, — заметила я.

По сравнению с убийством мальчиков то, что произошло со мной, — сущая ерунда. Хотя относиться к тем событиям как к ерунде я все равно была не в силах. Спина словно вновь заболела от воспоминаний. Лечили меня хорошо: лекари Оплота отлично разбираются в травах. Но травы — все же не магия, так что шрамы остались со мной навсегда.

— Верно, — невесело улыбнулся Брайан. — Догадываешься почему?

Я задумалась... и вскоре хлопнула себя рукой по лбу.

— Настрийский король?

— Конечно. — Брайан одобрительно кивнул. — По-видимому, при всех своих недостатках, Пабло оставался до сих пор сдерживающей силой. Теперь же он слег, и ни у кого нет сомнений в том, что он уже не поправится. Какую политику станет вести его сын, неизвестно. Но наследник юн и вполне может попасть под влияние лорда, которому доверял его отец. А пока старый король лежит в постели, а новый еще не взошел на трон, наступил превосходный момент для продвижения целей Уилфорта. — Брайан посмотрел мне прямо в глаза, серьезно и сосредоточенно. — Его надо убрать, Элайна. Если бы это была инициатива короны, у темных просто не осталось бы шанса. Но поскольку мы имеем дело с политикой одного конкретного лорда, его необходимо устранить. В этом случае мы можем надеяться, что советником при новом короле станет человек, придерживающийся иных взглядов.

Я помолчала, мрачно глядя перед собой.

— Наверное, ты прав, — заключила я наконец.

Брайан ничего не ответил. Но продолжил смотреть на меня так, словно ожидал чего-то еще. Догадка пришла внезапно, и я почувствовала, как волосы у меня на голове встают дыбом.

— Подожди... Ты что... Ты хочешь, чтобы это сделала я?!

— Постой, Элайна, не делай поспешных выводов, — призвал Брайан, примирительно выставив вперед руки. — Я ни к чему не собираюсь тебя принуждать. Изначально я собирался отправить тебя в замок Уилфорта, чтобы скопировать его бумаги. Это жизненно важно — выяснить его планы по поводу темных. А он, насколько мне известно, к делу подходит серьезно и ведет многочисленные записи. Правда, и прячет их тщательно, но для специалиста твоего уровня это не помеха. А дальше случилось то, о чем ты только что прочитала. — Он кивнул на газету. — И стало ясно: действовать надо быстро и значительно более радикально. Это первый в истории Оплота случай, когда нам реально потребовалось устранить светлого политика. До сих пор в этом не было необходимости, поскольку на место одного пришел бы другой. Но нынешняя ситуация, как я уже объяснил, отличается от предыдущих. И ты только что со мной согласилась.

Все это, наверное, было разумно, но я отчаянно замотала головой.

— Брайан, я не убийца. Я — специалист по информации. Да, в моем распоряжении имеются различные средства защиты на крайний случай, но этот случай, к счастью, ни разу не наступал. И, если уж говорить совсем откровенно, я не знаю, смогу ли воспользоваться ими даже в экстренной ситуации.

Мои возражения впечатления на Брайана не произвели.

— Я думаю, что сможешь. К тому же я отлично тебя понимаю: тяжело нанести вред человеку, совершенно случайно оказавшемуся на твоём пути. Но Уилфорт — совсем другое дело. Ты знаешь, что он это заслужил. Ты знаешь, что он представляет реальную угрозу для темных. Он уже убил восьмерых, а тех, кому он исковеркал жизни, трудно сосчитать. И только от нас зависит, продолжит ли он идти по трупам. Понимаешь, Элайна? Только от нас. Проще всего ничего не делать и понадеяться, что все разрешится само собой. И таким образом уйти от ответственности. Вот только это — иллюзия, Элайна. Мы в равной степени несем ответственность и за решение действовать, и за решение отойти в сторону.

— Я все это понимаю, Брайан, — болезненно поморщилась я. — Черт побери, не надо объяснять мне очевидные вещи. Но, во имя всех богов, почему я? Ну, есть же люди, более приспособленные к такой работе. Помимо того, что я не чувствую в себе моральной готовности к убийству, я элементарно этого не умею.

— А вот тут нам, безусловно, есть что обсудить, — кивнул Брайан, обрадованный, что разговор принял конструктивное направление. — Видишь ли, Элайна, на вопрос «почему ты?» есть несколько ответов. Во-первых, несмотря на твою неуверенность в себе, ты — отличный агент. Я не люблю лишний раз расточать похвалы, это всем известно, но ты — одна из лучших. Это подтвердит и Болдвин, и Кеннингтон, и даже сам король. Кроме того, ты отлично знаешь: агентов, способных внедриться в такое место, как дворец Уилфорта, и не навлечь на себя подозрений, совсем немного. Очередная вариация на тему тех легенд, с которыми ты работаешь, подойдет идеально. И еще один момент. У Уилфорта хорошо поставлена охрана. Но именно тебе удастся заставить их ослабить бдительность.

— Это еще почему? — недоуменно уставилась на него я.

— Я изучил Уилфорта, как только мог, — начал издаലെка Брайан. — Собрал всю

доступную информацию и по карьере, и по личной жизни. Так вот. У тебя тот же тип внешности, что и у его бывших любовниц. Если, конечно, сделать поправку на цвет волос. Поэтому есть неплохой шанс, что ты ему понравишься. И в этом случае охрана очень быстро станет держать тебя за свою.

Я медленно постукивала кулаком по столику. Потом поднялась на ноги, гневно сверкнув на Брайана взглядом. Рассердил он меня не на шутку.

— То есть сделать из меня убийцу тебе мало? Ты хочешь предварительно уложить меня к этому подонку в постель? Так сказать, в качестве благодарности за изукрашенную спину?

Брайан отчаянно покачал головой.

— Ты опять неправильно меня поняла. Разумеется, я не имел в виду ничего подобного. Честное слово, можно подумать, я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы предлагать что-то в этом роде! О постели речи не идет, — продолжил он, когда я все-таки соизволила сесть назад в кресло, дабы дослушать. — Но ведь достаточно самого минимального флирта. Даже не флирта, а так... — Он неопределенно повел рукой. — Просто не отвергай его ухаживания. Держи себя строго, прохладно, но без окончательного и бесповоротного «нет». Ни к чему не обязывающая беседа, которую ты как уроженка Настрии вполне способна поддержать. Прогулка по саду. Один бокал нелюбимого тобой вина. И все. В глазах слуг и охранников ты — женщина Уилфорта. Тебе становится доступно много большее, чем простому гостю. Ты даже можешь беспрепятственно пройти ночью в спальню к хозяину дворца. Никому и в голову не взбредет тебя не впустить. И сам Уилфорт будет с тобой гораздо менее бдителен, чем в обществе кого-либо другого.

Все это опять же звучало логично, но...

— Брайан, я не умею убивать. — Понимая, что «не хочу» и «не могу» для советника не аргумент, я постаралась надавить на последний имевшийся в моем распоряжении рычаг. — Я понятия не имею, как это сделать. Скорее всего, у меня ничего не получится. А если вдруг получится, я сразу же попадусь. Это тебе не в сейф заглянуть. Уйти после такого я не сумею.

— А вот об этом я как раз позабочусь, — заверил Брайан. — Детали мы сможем обсудить позднее, но пути отхода разработаны отличные. И всему необходимому тебя, разумеется, обучат. Конечно, мы не делаем из тебя наемного убийцу. Но то, что понадобится в этой конкретной ситуации, ты освоишь. Можешь быть уверена — никто не собирается отправлять тебя на это задание неподготовленной.

Я хотела вновь возразить, найти дополнительные доводы... Но чрезвычайно отчетливо поняла, что продолжение разговора не имеет смысла. Брайан, со своей стороны, решение принял. Мне оставалось только одно — ухватиться за единственную предоставленную им лазейку. Он прямым текстом сказал, что не станет меня принуждать.

— Хорошо, — медленно произнесла я, ощущая, как лежащий на душе камень становится все тяжелее. — В Иллойю я поеду. И раздобуду для тебя все необходимые документы. Но устранить Уилфорта не обещаю. Посмотрим по обстоятельствам.

— Договорились.

Брайан согласился настолько легко, что я поняла: он уверен, что дело свое я сделаю. Или, во всяком случае, попытаюсь. А в чем была уверена я? Отстаивала право выбора? Или исключительно иллюзию выбора, поскольку мне так было легче? До последнего думать, будто я могу изменить правила игры и покинуть Иллойю, выполнив лишь первую часть задания?

Подготовку я так или иначе прошла. Для данного задания меня снабдили ядом и

кинжалом — смотря какой подвернется случай. Маром, специалист по холодному оружию, обучил меня азам работы с кинжалом. Понятное дело, никаких шансов победить в поединке на этом виде оружия у меня не было. Речь шла исключительно о том, чтобы вонзить кинжал во врага, когда тот ничего подобного не подозревает. Но и эта задача не была тривиальной. Ведь если я не убью Уилфорта первым же ударом, мне конец. Вот этим мы и занимались. Маром использовал некий макет, сделанный так, чтобы кинжал погружался в него в точности, как в человеческое тело. Сначала все эти упражнения казались мне дикими. Потом я, видимо, привыкла; во всяком случае, стала вонзать кинжал в куклу совершенно неэмоционально. Интересно, а дальше, когда речь пойдет о живом человеке, — я точно так же ничего не буду чувствовать, погружая клинок в одну из зазубренных точек?

— Запомни, девочка: ты должна действовать очень аккуратно, — сказал Маром, когда наши занятия подошли к концу. — Если подсыпать яд, то так, чтобы никто не мог заметить. Если бить, то наверняка. И как можно быстрее уходить. Подробности мне не сообщали, но я точно знаю, что Брайан приготовил для тебя отличный вариант отхода; буквально туз в рукаве. Он как следует позаботился о том, чтобы ты благополучно вернулась. Но на крайний случай помни и о капсуле.

Я криво ухмыльнулась. Ну да, у любого агента имелась маленькая, не привлекающая внимания капсула с быстродействующим ядом. Вот только я никогда не слышала, чтобы хоть один из наших ею воспользовался. И сама этого делать не собиралась.

— Мне неприятно об этом говорить, — хмурясь, продолжил Маром, — но предупредить я обязан. То, что делают дворцовые стражники с попадающими к ним темными, невозможно описать словами. А уж женщину они не пожалеют тем более. Так что о капсуле я напоминаю только в твоих интересах. Но, впрочем, не стоит на этом заикливаться. Мой главный совет: не попадайся. Если что-то сорвется, уходи, не выполнив задания. Но не попади в лапы этих светлых зверей.

Час от часу не легче. Хотя, конечно, я и без того понимала, что в случае поимки по головке меня не погладят. И с жизнью придется распрощаться, без всяких сомнений. Но отчего-то концентрировалась на более раннем поводе для беспокойства — самом убийстве.

О пути отхода Брайан сообщил мне на следующей же нашей встрече.

— Вот. — Он положил передо мной карту, существенную часть которой занимал план дворца. — Конечно, лучше всего уйти через главные ворота как ни в чем не бывало и лишь потом быстро исчезнуть, как ты уже умеешь. Но это сработает лишь в том случае, если уходить ты будешь днем, а с Уилфортом расправишься при помощи яда. Пока яд подействует, пройдет время и ты успеешь покинуть дворец, не вызывая подозрений. Для этого будет лучше вещей с собой не брать. Пусть остаются во дворце; не жалко. Зато стража подумает, что ты всего лишь вышла прогуляться на базар или еще что-нибудь в этом роде.

— Все это понятно, — хмуро отозвалась я. — Что, если дело будет происходить ночью?

— А в этом случае ты воспользуешься потайным ходом, — с гордостью сообщил Брайан. — Информация сверхсекретная, но нашему агенту удалось разобраться, практически случайно. Существует потайной ход, довольно короткий, ведущий из библиотеки на улицу Мелодий. — Он ткнул пальцем в две точки на карте. — Библиотеку ты к этому времени будешь знать вдоль и поперек. Нажмешь на стену слева от второй полки снизу. Справа от двери. Откроется узкий лаз. Внутри свет загорается каждый раз, как там оказывается человек. Какая-то светлая магия. Быстро пробежишь по туннелю — и ты уже на улице. А там нырнешь в пекарню «Сладкая сдоба»: у них есть второй выход на параллельную улицу.

— Вход в тоннель не охраняется? — уточнила я.

— Нет. Ни с той, ни с другой стороны. Что в целом разумно: охрана привлекла бы внимание, и тайна перестала бы быть тайной. Выход на улицу закрыт с внутренней стороны на щеколду; это не составит проблемы и не займет времени. Так что все будет хорошо. — Он положил руку поверх моей, а потом крепко сжал мою ладонь. Интересно, для кого он сказал последние слова? Кого хотел убедить? Меня или все-таки себя? — Это наша последняя надежда, Элайна, и все должно получиться. Поверь, я очень тщательно подошел к вопросу твоей безопасности. Но... думаю, Маром говорил об этом. — Он отвел глаза. — Попадаться тебе нельзя. Поэтому на подготовку бери столько времени, сколько понадобится. Хоть целый месяц гости во дворце. Но когда решишь, что настало время действовать, действуй быстро. А уходи еще быстрее.

На прощание он обнял меня, чего давно уже не делал. Не как любовницу, скорее как друга или, может быть, как ученицу?

— Будь осторожна. И возвращайся благополучно. Если какие-то боги еще покровительствуют темным, пусть они помогут тебе. И знай: мы все тебя ждем.

Традиционный Бал Неузнанности проводился в Иллоейе, столице Настрийского государства, ежегодно. По сути своей это был бал-маскарад — но с изюминкой. Специфика заключалась в том, что шансов узнать друг друга у гостей действительно было чрезвычайно мало. И маскарадные костюмы играли тут лишь второстепенную роль. Ведущая же партия отводилась специальному напитку, который каждый участник бала, будь то гость или лакей, обязан был выпить, прежде чем приобщиться к торжеству. Возможно, этот напиток готовился на основе темной магии, а может быть, некие ингредиенты лишь копировали ее эффект. Так или иначе, напиток препятствовал узнаванию. Нет, он вовсе не блокировал память, заставляя выпившего забыть всех, кто был ему дорог, по аналогии с известной сказкой. Участники бала отлично помнили всех своих знакомых. И зрение данный напиток тоже не ухудшал. Однако связать увиденного человека с запечатленным в памяти образом не позволял.

Ведь как работает узнавание? В нашей памяти хранится образ знакомого человека, скажем Майки. Повстречавшись с ним, мы подсознательно сравниваем этот образ с увиденным мужчиной. И делаем вывод: это один и тот же человек. Так вот, магический напиток блокировал именно это связующее звено. Не позволял опознать в увиденном госте уже знакомого человека, будь то хоть давний приятель, хоть родной брат. Вы отлично помните этого самого брата или приятеля. Вы отлично видите того, кто стоит перед вами. Но никак не связываете одно с другим.

Разумеется, при этом вы не теряете способности делать логические выводы. Вы вполне способны рассуждать следующим образом: «У стоящего передо мной мужчины голубые глаза, русые волосы и шрам над правой бровью. Я знаю, что у Майки тоже голубые глаза, русые волосы и шрам над правой бровью. Следовательно, весьма вероятно, что стоящий передо мной мужчина — именно Майки». Для того чтобы предотвратить «узнавание» такого рода, как раз и предназначались карнавальные костюмы, парики, полумаски и прочее. Но обязательными они не были. Каждый гость решал для себя, готов ли он пойти на риск быть «вычисленным» благодаря своим особым приметам.

И еще одна немаловажная деталь. Напиток готовился так, чтобы его действие заканчивалось строго в определенное время. В данном конкретном случае — в час ночи. По правилам бала в этот момент следовало также снять парики, маски и вуали. Однако каждый гость опять-таки мог для себя решить, хочет ли он оставаться на балу до «момента истины» или же предпочитает покинуть праздник раньше.

Оказавшись в Иллоейе всего за два дня до Бала Неузнанности, я решила посетить это мероприятие. Во-первых, мне хотелось взглянуть на здешнее общество прежде, чем погружаться в работу. Даже учитывая сложности с узнаванием, это могло оказаться полезным. А во-вторых... Стоит ли обманывать саму себя? Подлинная причина заключалась совсем в другом. Мне просто хотелось, хотя бы на очень короткое время, забыть о том, кто я такая, какую жизнь веду и что ожидает меня в ближайшем будущем. Почувствовать себя другим человеком. *Обычным* человеком, возможно, страдающим от легких бытовых сложностей, но в целом — счастливым. Способным и имеющим право спокойно проводить время на таком вот балу.

Попасть на такой бал было несложно. В некотором смысле в этом заключалась часть

прелести. Любой гость мог оказаться как местным, так и чужеземцем, как равным, так и представителем более низкого сословия, обладающим известной долей хитрости. Такая таинственность придавала маскараду перчинку.

Оставался, конечно, вопрос того, как правильно поступить с моей главной внешней особенностью — темными волосами. Можно было воспользоваться одним из моих светлых париков, но некоторым образом это было бы вопреки правилам конспирации, ведь я не хотела «светить» образ блондинки. Поэтому я нашла вариант более простой и более интересный одновременно. Дело было в том, что местные дамы, желавшие сохранить инкогнито по собственным причинам, также старались скрыть оттенок своих волос. И с этой целью надевали... темные парики. Таким вот парадоксальным образом на ежегодном Балу Неузнанности стало модно быть темноволосой. Так что я просто-напросто надела поверх собственных черных волос столь же темный парик. Качество его существенно уступало моим рабочим, и в том, что волосы искусственные, не усомнился бы никто. Но это и не имело значения, ведь то же самое можно было сказать об образе доброй половины присутствующих дам. Это был идеальный способ утаить ото всех свою масть — выставив ее напоказ.

И вот теперь я стояла у окна с бокалом белого, для разнообразия, вина в руке. Оно нравилось мне больше. Шелковое изумрудно-зеленое платье, мягко обтекая фигуру, спускалось почти до самого пола. Заметным элементом костюма, отдавая дань маскараду, был веревочный пояс, увешанный засушенными листьями. Серьги в ушах также имели форму листьев. Наряд намекал на образ Давирры, сказочной хозяйки леса. Догадается ли об этом хоть кто-нибудь, я не знала, но мне было все равно. Сама я тоже понятия не имела, кого именно изображали многие из присутствующих.

Лицо решила не прятать. В этом не было необходимости, ведь даже если меня впоследствии узнают, в моем присутствии здесь не было ничего крамольного. А узнать и не должны: помимо черного цвета волос, у меня не было особых примет. Хвала богам, ни бородавки на носу, ни шрама через все лицо. Ни даже соблазнительной родинки, такой как у вон той пышной брюнетки, беседующей сразу с двумя кавалерами. Отсюда не видно, настоящие это волосы или парик. Шикарное платье сочного малинового оттенка. Да и о ней самой хочется сказать «женщина в самом соку». Не юная, но и достаточно молодая, чувственная, раскрепощенная и жизнерадостная. Беседует с двумя мужчинами, а многозначительные взгляды кидает на третьего. Выбор, кстати сказать, хороший. Мужчина явно высокого происхождения, породистый, уверенный в себе. Владелец орлиного носа, темных глаз и отличного телосложения. И даже не подумал отдавать дань маскараду, равно как и его приятель, с которым они о чем-то переговариваются. Оба одеты в самые обыкновенные брюки и камзолы, и светлые волосы (у одного русые, у второго скорее песочные) явно настоящие. Словом, эти мужчины — из считающих, что они достаточно хороши и без всякого налета таинственности. Или просто не желают терять время на глупости вроде выбора маскарадного костюма.

Я поймала на себе взгляд одного из них и поспешила отвернуться к окну. Снаружи было темно, но быстро привыкший взгляд выхватил силуэты домов с возвышающимися над ними трубами. Высоко над крышами мерцали крохотные звезды. И никаких черных скал, загораживающих обзор...

Мой слух невольно уловил перешептывание расположившихся неподалеку дам.

— Говорю тебе: один из этих двоих — принц.

— Да быть того не может!

— Поверь моему чутью! Я только не знаю, который.

— Для принца они оба староваты.

— Косметическая магия творит чудеса. Он может скрывать таким образом свою внешность.

— Ерунда. Вечно ты любишь все усложнять. Если принц и здесь, то это кто-то другой.

Да, именно этой теме была посвящена бóльшая часть ненароком услышанных мной разговоров. После того как старший сын Пабло Второго был убит врагами короны в чрезвычайно юном возрасте, следующего наследника надежно спрятали. Одни говорили, будто мальчик рос далеко за границей, другие — напротив, что он все это время находился во дворце, но в роли пажа. В действительности же никто ничего не знал: о секретности его величества позаботился как следует. Пошли также слухи, согласно которым ребенок якобы являлся не младшим сыном, а старшим, надежно спрятанным сразу после рождения. В итоге теории касательно его возраста также разнились. Принцу давали от шестнадцати лет до двадцати четырех.

Теперь же, когда Пабло Второй лежал, прикованный к постели, резонно было ожидать явления народу наследника. И многие полагали, что для начала он появится на этом самом балу. Чтобы, так сказать, прощупать почву. Стоит заметить, что некоторые аристократы считали проведение бала в такой момент неподобающим. Но учитывая, что король лежал в постели уже несколько месяцев, было решено не погружать страну в траур прежде времени.

Немного послушав болтовню аристократок, я вновь устремила взгляд в темноту. Мне было совершенно безразлично, сколько лет принцу, присутствует он здесь или нет, а также хорош ли он собой. Я стояла и думала о том, что завтра, от силы через два дня, отправлюсь во дворец Александра Уилфорта. И вскоре после этого жизнь моя либо прервется, либо изменится окончательно и бесповоротно. Я все еще пыталась успокоить себя тем, что не давала Брайану никаких обещаний. Я могу заполучить нужные ему документы — и спокойно уехать в Оплот. Увы, я все более отчетливо понимала, что свобода выбора — всего лишь иллюзия. Меня послали сюда вовсе не ради документов, и я отдавала себе в этом отчет с самого начала. Я просто не могу уехать, не выполнив задание... Но разве я сумею его выполнить? Тупик.

Настроение было мрачное, и я не испытывала ни малейшего желания присматриваться к здешнему обществу. Впервые за три года возникла мысль: «Если Брайану так нужны эти люди, пусть сам приезжает сюда и их изучает!» Впрочем, тут я, конечно, была не права. Если наблюдения действительно нужны, то не Брайану, а Оплоту, а ради Оплота я была готова пойти на многое. Вопрос заключался лишь в том, где пролегалла граница этой самой готовности...

— Грустите? — неожиданно прозвучал совсем рядом приятный мужской голос.

Я обернулась. Один из тех двоих немаскировавшихся аристократов, что недавно беседовали неподалеку. Не тот, с которым обменивалась взглядами брюнетка, а второй. Этот, возможно, выглядел чуть менее импозантно, но зато вид имел более мягкий. Голубые глаза взирали на незнакомку, то бишь меня, с интересом, и не исключено, что даже с сочувствием.

— Да нет, не то чтобы...

Вопрос незнакомца застал меня врасплох, и я не сразу нашла, что сказать. Поискала взглядом его приятеля. Того нигде не было видно. Равно как и эффектной брюнетки.

— Прошу прощения, я понимаю, что мой вопрос выходит за рамки этикета. — Похоже,

блондин не принял мой ответ за чистую монету. — Но, с другой стороны, на то ведь и Бал Неузнанности, чтобы некоторыми правилами можно было пренебречь, вы не находите?

Я улыбнулась.

— Наверное, вы правы.

А главное, уж что-что, а правила этикета беспокоят меня в последнюю очередь. В моем-то нынешнем положении...

— Вы снова помрачнели, — заметил излишне внимательный незнакомец. — Простите мою настойчивость, но, может быть, я могу вам чем-то помочь?

Не знаю почему, но его вопрос показался мне вполне искренним. Быть может, по той простой причине, что врать под маской Неузнанности бессмысленно? Или же дело было в голосе собеседника? Или в мягком взгляде голубых глаз?

— Нет, — покачала головой я.

Он молчал и все так же внимательно смотрел, словно ждал, последуют ли какие-то объяснения. Что ж, почему бы и не рассказать о себе человеку, с которым мы встретились случайно, с которым скоро расстанемся навсегда и который никогда не узнает, кто я такая? Рассказать, разумеется, многое утаив, но в то же время и не солгав?

— Просто жизнь сложилась совсем не так, как мне мечталось, — призналась я, обводя зал невидящим взглядом. — Приходится заниматься совсем не тем, что я считала своим призванием. За последние годы я очень сильно изменилась и, наверное, не в лучшую сторону. А повернуть жизнь вспять нельзя, и иногда мне кажется, что я оказалась в ловушке. Наверное, все это звучит непонятно и сумбурно, — спохватилась я, виновато улыбнувшись.

— Ну почему же, — возразил он, — я как раз отлично вас понимаю. Пожалуй, мне доводилось испытывать нечто подобное.

— В самом деле? — заинтересовалась я. — Вам не нравится ваш род занятий?

— По-своему нравится, — задумчиво возразил собеседник. — Но не во всем и не всегда. Мне тоже приходится порой делать вещи, которые идут вразрез с моими предпочтениями и даже принципами. И, наверное, это тоже не делает меня лучше. А кроме того, на меня навалилось столько дел, что порой кажется, вся жизнь пролетит, как один день, а я этого даже не замечу.

Я обратила внимание, что блондин говорит так же, как и я. Рассказывает то, что можно рассказать, но избегает деталей.

— И вы никак не можете отказаться от этого рода занятий? — спросила я, гадая, что может поставить в безвыходное положение светлого дворянина.

— Нет. — Он усмехнулся так, словно воочию увидел, как реагирует на подобное требование вышестоящий. Кстати, кто бы это мог быть? Отец? Король? Какой-нибудь высший дворянин? А может, тот самый загадочный принц? — Иногда я думаю, что, возможно, года через два-три, когда подберу себе подходящую замену... Но это не более чем самообман. Сказать по правде, особого выбора не было с самого начала. К тому же я был слишком молод для такой работы и успел наделать массу ошибок. Со временем научился избегать их по мере возможности. А вы? У вас был выбор тогда, в самом начале?

Я задумалась. Был ли он у меня, этот выбор?

— На тот момент я была уверена, что да, — ответила я наконец. — А сейчас я не знаю. Давайте поговорим о чем-нибудь более веселом.

— С удовольствием, — поддержал инициативу он. — Хотите присесть?

Мы расположились в предназначенных для гостей креслах. Мимо пробежала толпа

людей в костюмах. «Священник», потрясая увесистой книгой, мчался за улепетывающим от него «ангелом» с роскошными белыми крыльями. Следом бежали зрители и сочувствующие, среди них — «феи», «принцессы», «коты» и прочие. Помимо магического напитка на балу подавались и многие другие. Похоже, их действие уже начало проявляться во всей красе.

— Откуда вы родом? — светским тоном осведомился собеседник.

Я отметила, что имя он у меня не спрашивает: соблюдает правила здешней игры. Во всяком случае, пока.

— Из Тель-Рейского округа, — сказала я правду, одновременно не давая конкретной информации. Все же Тель-Мон — городок маленький. — Я много лет жила в Тель-Рее.

— О, это прекрасно! — воодушевился аристократ.

— Вы тоже оттуда?

— Нет. Но я люблю этот город. И бываю там довольно часто, хотя живу здесь, в Иллойе.

— Иллоя — чрезвычайно красивый город, — заметила я. — Красивее, чем Тель-Рей.

— Вы не находите, что наш разговор стал чрезвычайно банальным? — поморщился вдруг мой собеседник.

— Учитывая, насколько нетривиально он начинался, можно считать, что в совокупности он идет точно как положено, — рассмеялась я.

— Вот именно этого мне и не хотелось бы, — усмехнулся блондин. — Вести его как положено. В конце концов, только раз в год нам предоставляется возможность отринуть привычные правила. Грех такую возможность упускать. Хочется хотя бы иногда побыть собой и не задумываться о последствиях каждого произносимого слова.

— Вы позволяете себе это каждый год? — полюбопытствовала я.

— А если я скажу, что только сейчас и с вами, вы поверите? — лукаво спросил он, склонив голову набок.

Я усмехнулась, но отвечать не стала.

— Так о чем бы вы хотели поговорить? — вместо этого осведомилась я.

Блондин не затруднился с ответом.

— Например, о вашем костюме, — предложил он. — Кого вы изображаете?

— А вы угадайте.

Я тоже умела лукаво улыбаться.

— Хм... Дочь лесного царя Порейя?

— Нет, хотя близко, — ответила я, приятно удивившись его знакомству с южной мифологией.

— В таком случае Давирра.

— А теперь угадали! Надо же, не ожидала, что кто-то это поймет! — призналась я с искренним восторгом.

— Отличная идея — использовать настоящие листья, — заметил блондин, разглядывая мой пояс.

Я слегка засомневалась, что именно привлекло его внимание: собственно листья или же то, как пояс подчеркивает фигуру. Решила все-таки исходить из первого.

— Зеленые, конечно, были бы лучше, — покаялась я. — Но костюм готовился заранее, и они успели бы завянуть. Так что пришлось засушить.

Я не стала уточнять, что занимались этим темные лесные разбойники.

— Хотите чего-нибудь выпить? — предложил аристократ, заметив, что мой бокал за время беседы успел опустеть.

— Да, можно немного белого вина, — решила я.

Он поднялся с кресла и шагнул в сторону уставленного всевозможными напитками стола, но... Кто бы мог предположить, что это действие окажется опасным? По-видимому, спор, в который вступили «священник» и «ангел», так до сих пор и не разрешился, а, напротив, перешел в новую стадию. И теперь первый гнался за вторым не с книгой, а с самым настоящим ножом. Нож, правда, был столовый и как оружие никудышный, но лезвие у него, как ни крути, имелось.

Поравнявшись с моим собеседником, «священник», в запале не видящий ничего на своем пути, неудачно махнул рукой, и его нож полоснул блондина по плечу. Тот коротко вскрикнул от неожиданности и прижал ладонь к порезанному рукаву. «Священник» остановился, разом растеряв весь запал и нерешительно взирая на плоды своей неосторожности. Я вскочила и бросилась к блондину. Какой-то лакей тоже метнулся к нему, уже держа в руке тряпицу, вымоченную в дезинфицирующем растворе. То ли подобное уже случалось, то ли здесь были готовы к любой неожиданности. Очень быстро также подоспел и маг, оперативно проверивший лезвие на предмет яда. Результат оказался отрицательным, что, собственно, никого и не удивило: инцидент произошел совершенно спонтанно, и тому была масса свидетелей. Теперь эти свидетели толпились вокруг раненого, наперебой охая, причитая, крича и давая ценные советы. Это продолжалось до тех пор, пока мой новый знакомый не произнес:

— Дамы и господа, я полагаю, вы уделили моей персоне достаточно внимания. Уверяю, случившееся — не повод забыть о маскараде и развлечениях.

Голос был ледяным, тон — не допускающим возражений. Все это плохо вязалось с тем мягким, улыбчивым человеком, с которым я общалась до сих пор. Вот теперь становилось очевидно, что блондин привык командовать и его приказы исполняются беспрекословно. Во всяком случае, толпа рассосалась чрезвычайно быстро, даже «священник» поспешил ретироваться, на ходу бормоча невнятные извинения. Может быть, раненый аристократ занимает высокую должность в армии?

Впрочем, стоило нам остаться одним, как мой собеседник снова стал прежним. Лакея я отослала за ненадобностью, ибо с такой раной (в сущности, скорее глубокой царапиной) была отлично способна справиться и сама. Осторожно приложила очередную влажную тряпицу к плечу (и без того испорченный рукав пришлось разорвать немного сильнее). И вдруг почувствовала, как его рука коснулась моей.

Казалось бы, сушая ерунда, но отчего-то это прикосновение показалось мне настолько интимным, что я смешалась. Чтобы скрыть смущение, сосредоточенно занялась обработкой раны.

— Лазарет для душевнобольных, — констатировала я по окончании, сердито косясь на «священнослужителя».

— Ничего страшного, — отмахнулся блондин. — Заживет. Видимо, для этого человека возможность побыть собой проявляется именно так.

— В таком случае, он неверно выбрал костюм, — пробурчала я.

Собеседник рассмеялся.

— Как знать, быть может, все вполне закономерно. Костюм он выбирал, движимый стремлением показать себя с лучшей стороны. А когда расслабился, позволил себе открыть и другие особенности своего характера, более темные, но тоже требующие выхода.

— Вы всегда настолько всепрощающи? — неодобрительно осведомилась я.

Он отрицательно покачал головой.

— Работа не позволяет.

Напоминание о работе моментально испортило мне настроение. Но совершенно неожиданно блондин засмеялся. Я недоуменно нахмурилась.

— И все-таки это прекрасно, — пояснил он, указывая на белеющие неподалеку крылья. — Священнослужитель, гоняющийся за ангелом с ножом! И демоны, которые бегут следом, чтобы не пропустить, чем дело кончится!

Теперь его веселье передалось и мне.

— Ну вот, а вы говорите, это не похоже на лазарет для душевнобольных! — воскликнула я и тоже расхохоталась.

Ричард рванул на себя первую попавшуюся дверь. Небольшая комната, обставленная зеленой мебелью и, на его вкус, отличавшаяся излишне кричащей роскошью. Но все это не имело никакого значения: главное, там не было ни одного чертова гостя. Зато имелся диван, на вид вполне удобный, как минимум достаточно длинный для человека его роста. Впрочем, эту красотку он был готов разложить и на столе, и даже на ковре.

Он вошел, предварительно пропустив вперед Иден — кажется, так ее звали? Она представилась во время танца, но на том этапе он уже не слишком хорошо соображал: ее глубокое соблазнительное декольте, открывавшее особенно волнующий вид при каждом реверансе, мешало сосредоточиться на чем-либо другом. Сейчас грудь была спрятана за раскрытым веером, и это невероятно расстраивало.

— Здесь довольно мило, — томно произнесла брюнетка, обводя комнату неспешным взглядом.

Эта неспешность сводила с ума; хотелось незамедлительно задрать ей платье и повалить прямо на ковер. Но приходилось соблюдать хоть какие-то приличия.

Губы женщины едва заметно дрогнули: она отлично понимала, какой эффект производит на темноглазого красавца с орлиным носом, и этот эффект полностью ее устраивал.

— Рад, что вам нравится, — хрипло выдавил он.

Иден улыбнулась и дразняще медленно сложила веер.

— Но очень жарко, — добавила она.

Веер упал на пол.

— Ах!

Всплеснув руками, брюнетка наклонилась, чтобы его поднять. Открывшийся вид на ее грудь заставил Ричарда окончательно потерять выдержку. Единственное, на что его хватило, — это не сразу перейти к делу, а начать с поцелуя. Он впился губами в чувственные губы Иден и почти сразу почувствовал, как ее шаловливый язычок проник ему в рот. И начал вытворять такое, что последние остатки разума окончательно уступили место инстинктам.

Он запустил руку в ее декольте, обхватил грудь, сжал в пальцах сосок. Брюнетка застонала, откинув голову назад, но потом вывернулась. Медленно обвела мягкой подушечкой указательного пальца контур его губ. Ее ногти были покрашены в ярко-алый цвет. Ричард не желал этой медлительности, он наклонился, запустил руки под подол, провел ими вверх по бедрам, а затем резко рванул платье вверх. Ткань затрещала, но, как ни странно, выдержала, и несколько секунд спустя Иден, несколько не смущенная, предстала перед ним в одном белье.

Честное слово, лучше бы она была голой! Это вскружило бы ему голову значительно меньше. Если бы не эти длинные полупрозрачные черные чулки с подвязками. Если бы не этот бюстгальтер, высоко держащий грудь, но одновременно открывающий настолько волнующий вид. Если бы не черные панталоны, необыкновенно короткие, мало что скрывающие помимо самой пикантной зоны... Может быть, если бы не все это, он бы еще смог немного подождать. Растянуть прелюдию хотя бы на несколько минут. Но сейчас это было выше его сил.

Панталоны Ричард просто порвал, превратив в черную тряпочку неопределенной формы, бесшумно упавшую на пол. Повалил Иден на диван и только теперь, к немалому ее веселью, сообразил, что сам-то по-прежнему упакован в полный комплект одежды. С остервенением сорвал камзол, в то время как брюнетка занялась пуговицами рубашки. Сапоги, брюки... Когда все это было раскидано по полу, он наконец вошел в нее, отдавая дань своему стремлению получить эту женщину как можно скорее, здесь и сейчас. Глубже, еще, еще! Она охотно подчинилась, раздвинула бедра и, блаженно постанывая, откинулась на диван. А ему все было мало. Хотелось пронзить ее насквозь, пригвоздить к дивану, заставить полностью отдаться на милость победителя. Он навис над ней, стал ловить губами так некстати позабытые груди — упругие, с крупными алыми сосками, — а она впилась пальцами ему в плечи, и красные ногти царапнули кожу.

Все закончилось невероятно ярко, но быстро. Поначалу он опасался, что слишком быстро, но Иден не проявляла никаких признаков недовольства. Наоборот, весьма комфортно расположилась рядом с ним на узковатом, казалось бы, диване. Ни капли не стесняясь, как некоторые женщины сразу после секса с малознакомым мужчиной. Напротив, явно гордясь своим телом, согнула ногу в колене и поставила ступню ему на голень. Чулки сползли лишь самую малость, и зрелище было весьма соблазнительное. Для продолжения было рановато, но тем не менее Ричард не удержался от того, чтобы провести рукой по ее ноге снизу вверх и погладить коленку.

— Ты действительно темная? — спросил он, наконец переведя взгляд на ее лицо.

Черные волосы растрепались лишь самую малость.

— А что, ты что-нибудь имеешь против темных? — с усмешкой спросила она.

Он нахмурил брови, удивившись такому предположению.

— Нет. Просто стало любопытно. Твои волосы выглядят натуральными, но настоящих темных на балах практически не бывает.

— И сейчас нет, — заверила Иден, сладко потягиваясь. В ее пластике было нечто кошачье. — Я светлая, а это парик.

— Надо же. — Ричард окинул ее прическу оценивающим взглядом. — А так не отличишь. Видимо, это очень хороший парик. Лучший из тех, что я видел.

— У меня вообще все самое лучшее, — с улыбкой заверила Иден. — Лучшие платья, лучшие экипажи, лучшие мужчины.

Она многозначительно поглядела на обнаженный торс Роберта.

— Это намек на то, что один мужчина тебя не устраивает? — угрожающе сощурил глаза он.

— Смотря какой мужчина, — беззаботно откликнулась Иден. — Но если хочешь, можешь попробовать доказать, что мне нужен только один.

Мгновенно изменив положение, она села ему на ноги, затем наклонилась вперед и медленно провела языком по горячей коже. Начала с шеи и стала спускаться все ниже,

остановившись в самом низу живота. А Роберт почувствовал, что вполне готов приступить к доказательствам, хоть с первого раза и прошло совсем мало времени.

— Не хотите сказать, как вас зовут? — спросил вдруг мой собеседник.

Раной мы закончили заниматься уже давно, время за разговором летело быстро, но этот вопрос резко выделялся на фоне плавного течения непринужденной беседы.

Я покачала головой. Тут и думать было не о чем.

— Давирра так Давирра, — улыбнулась я, хотя улыбка, должно быть, вышла грустной.

— Ну что ж. — Блондин решил пока не настаивать. Но я чувствовала: это только *пока*. — В таком случае зовите меня Сэнд.

Я одобрительно усмехнулась. Удачное имя. Сэнд означает «песок», а цвет его волос был действительно близок к песочному.

— Хорошо, — проговорил он, — если вы не хотите на этом этапе представляться, то, может быть, согласитесь на иной ход? Что вы думаете по поводу карнавальной свадьбы?

— Вы это серьезно? — изумилась я.

— Совершенно серьезно.

Я улыбнулась, весьма польщенная. Хотя речь и не шла о настоящей свадьбе (еще не хватало, после нескольких часов знакомства!), получить такое предложение все равно было приятно.

— Почему бы и нет? — ответила я.

Вот он — один из многочисленных случаев, демонстрирующих, как прав был Брайан, говоря о непригодности коренных жителей Оплота на роль шпионов. Человека можно, конечно, обучить многому. Можно избавить его от акцента, отличающегося от настрийского произношения. Можно надеть светлый парик. Можно многое рассказать об образе жизни в Настрии и заставить зазубрить свод ее законов. Но маловероятно, что в программу обучения попала бы информация про так называемую карнавальную свадьбу. Обучить всем нюансам невозможно, а вероятность того, что шпиону пригодился бы именно этот, довольно-таки низка. Меня же как уроженку Настрии, пусть даже никогда не бывавшую на балах, не поставило в тупик упоминание об этом мероприятии.

Карнавальная свадьба — это почти точно скопированная брачная церемония, иногда устраиваемая на Балах Неузнанности для гостей, проявляющих такое желание. Как правило, это бывают пары молодых людей, понравившихся друг другу. Если их подлинные имена становятся известны, впоследствии за развитием их отношений следят все — как гости бала, так и читатели газет. Всем интересно выяснить, к чему приведет такое романтическое начало — к подлинному браку, к непродолжительной связи или и вовсе закончится ничем: «жених и невеста» попросту разбегутся сразу после бала.

Брачная церемония, разумеется, считалась недействительной, ибо, невзирая на все сходство с реальной, священник на ней присутствовал ряженный. Костюм священнослужителя пользовался достаточной популярностью, чтобы каждый год на таком балу присутствовали два-три кандидата на данную роль.

Церемониймейстер с восторгом выслушал наше пожелание и пообещал в кратчайшие сроки устроить все в лучшем виде. Первым делом он объявил гостям об ожидающемся в ближайшее время событии, используя наши вымышленные имена — Давирра и Сэнд. Называться своими подлинными именами на карнавальной свадьбе было необязательно. Гости восторженно зааплодировали, радостно предвкушая новое развлечение. В роли

священнослужителя согласился выступить тот самый мужчина, что недавно столь неудачно поранил Сэнда. Так сказать, взял на себя эту обязанность от чистого сердца, в качестве компенсации.

В зале быстро поставили четыре белых шеста, над которыми натянули белый же балдахин. Мы с Сэндом встали под этой импровизированной крышей лицом к собравшимся. Там же, лицом к нам, расположился «священник». Ему вручили специально заготовленную на такой случай брошюру с традиционным текстом и комментариями касательно необходимых действий. Сэнду подали букет, который он должен был вручить невесте в конце церемонии.

— Мы собрались здесь, чтобы лицезреть чудо, ибо лишь чудом можно назвать тот момент, когда боги соединяют две жизни в единую семью, — принялся зачитывать «священник». — Два ручья соединяются, чтобы отныне течь по жизни полноводной рекой. В этой новой жизни вас ожидают новые трудности и подводные камни. И тем не менее она прекрасна, ибо к единению душ стремится самое человеческое естество. Я счастлив объявить, что сегодня, здесь и сейчас, госпожа Давирра становится женой господина Сэнда.

Атмосфера была на удивление торжественная, словно речь действительно шла о самом настоящем бракосочетании. Правда, «священник» был не вполне трезв, однако даже ему удавалось держаться с некоторым достоинством. Видимо, он проникся важностью собственной миссии.

— Давирра, подтверждаешь ли ты, что согласна стать женой Сэнда?

— Да.

— Сэнд, подтверждаешь ли ты, что согласен стать мужем Давирры?

— Подтверждаю.

И вот Сэнд вручает мне букет.

— Господин Сэнд, вы можете поцеловать свою супругу.

Я поднимаю голову, и его губы касаются моих. Мягко, нежно, словно он боится меня спугнуть. Я обвиваю его шею руками, хотя по обряду это необязательно. Букет немного мешает, но я все равно ни за что его не выпущу. Букет, конечно, не Сэнда. Или...

Мы принимаем поздравления, потом оркестр начинает играть, и про нас постепенно забывают. Мы отходим подальше от центра зала, тем более что здесь уже кружатся танцующие пары. И, не стовариваясь, повторяем поцелуй, хотя уж это-то обрядом точно не предусмотрено. Сэнд целует уже смелее, хотя по-прежнему чрезвычайно нежно, и я вдруг испытываю чувство сожаления, что на карнавале не предусмотрена брачная ночь. А потом мой взгляд падает на часы.

Без десяти минут час! Скоро развеется действие напитка и, что еще хуже, присутствующим придется снять парики!

— Прости, но мне пора идти! — В моем голосе — сожаление с примесью панических ноток.

— Ты не хочешь остаться на Узнавание? — понимающе спросил он. — Хорошо. В таком случае я уйду вместе с тобой.

— Нет! — в ужасе воскликнула я.

И лишь затем поняла, что не следовало подобным образом выставлять свои чувства напоказ.

— Почему? — Он действительно не понимал. — Мы знакомы? Ты знаешь, кто я такой, и считаешь, что нам не следует встречаться?

— Я не знаю, кто ты такой, но нам действительно не следует встречаться, — заверила я, испуганно косясь на часы. Минутная стрелка успела немного сдвинуться. — Просто поверь: ничего хорошего из этого не выйдет. Сегодняшний вечер был потрясающим, и я всегда буду его помнить. Но завтра ничто уже не повторится.

— Ты можешь объяснить толком? — нахмурился Сэнд.

Все это время он продолжал держать меня за руку, явно не собираясь отпускать.

— Не могу, — резко качнула головой я. — Просто поверь мне на слово. Я принесу тебе одни только неприятности. Вполне вероятно, что ты мне — тоже.

— Какая-то ерунда, — поморщился он. — Давай уйдем отсюда. Раз мы незнакомы, это ровным счетом ничем не чревато. И спокойно поговорим.

— Кажется, ты уже забыл все, что я говорила в начале вечера.

Я попыталась вырвать руку, но не тут-то было.

— Напротив, я отлично все помню. Но это меня не смущает.

Не знаю, как долго продолжался бы разговор в таком ключе и как бы я сумела сбежать из зала до боя часов, но тут к нам приблизилось новое действующее лицо.

— Где она? — грозно вопил светловолосый приятель Сэнда, тот, рядом с которым я увидела его в самом начале. — Где эта дрянь?

— Ты о ком?

Сэнд развернулся к своему знакомому и нехорошо нахмурился; кажется, в первый момент он подумал, что речь идет обо мне.

— Фальшивая брюнетка в красном платье, с которой я танцевал, — пояснил тот, в гневе обводя глазами зал.

— Не знаю, — безразлично отозвался Сэнд. — А в чем дело?

— Эта зараза меня обокрала! — прорычал его приятель. — Взяла все — кошель, часы, даже фамильный перстень прямо с мизинца умыкнула!

Это был мой шанс. Пока Сэнд сосредоточил свое внимание на рассказе пострадавшего, я все-таки выскользнула из его руки и поспешила к лестнице.

— Давирра! Стой!

Он тут же помчался следом. Я побежала быстрее, не позволяя расстоянию сократиться. К счастью, были и другие гости, предпочитавшие не оставаться до конца бала, и мне удалось на время скрыться среди них.

На каком-то этапе пояс зацепился не то за крюк, не то за торчащий из стены гвоздь. Еще не до конца поняв, в чем дело, я рванула изо всех сил. Пояс порвался и с шорохом листьев приземлился на пол. А я побежала еще быстрее.

Практически на бегу получила у отлично вышколенного лакея свой плащ. Выскочила на свежий, но холодный воздух улицы. Повернула голову сначала в одну, затем в другую сторону. Плохо. Дорога каждая секунда, а здесь не скрыться. В какую сторону ни побегу, буду как на ладони. Богатые ведь люди, что ж они на зелени так экономят? За такими цветочными кустами только кошкам прятаться!

Внезапно из темноты узкого пространства между домов вытянулась рука и, схватив меня за запястье, утянула за собой.

Видимо, час ночи уже наступил. Срок действия зелья закончился. Теперь мы снова могли узнавать старых знакомых. Зато людей, которых встретили на балу, узнать не могли. Образы, увиденные во время действия напитка, сохранились в памяти, но не соотносились с другими знакомыми лицами. Однако логических выводов никто не отменял. По темным

волосам и малиновому платью я догадалась, что передо мной — та самая женщина, которую в таком бешенстве разыскивал друг Сэнда.

— Тоже смываешься? — совсем не по-светски выразилась она, заговорщицки подмигнув.

Я кивнула, затравленно вглядываясь в открывающийся отсюда кусочек улицы.

— Идем со мной. — Брюнетка снова потянула меня за собой. — Есть у меня план на такой случай.

Она устремилась дальше в темноту. Как оказалось, между домами был сквозной проход, хоть и очень узкий. К тому моменту, как мы выскочили на параллельную улицу, мою спутницу было не узнать. Под париком, как выяснилось, скрывались светлые волосы — очень, кстати сказать, впечатляющий оттенок, настолько близкий к белому, насколько это вообще возможно. Брюнеткой она была, несомненно, яркой, но и блондинкой оказалась весьма экстравагантной. Темный плащ полностью скрыл красное платье, и даже притягивавшая взгляд родинка исчезла со щеки.

Свет фонаря вскоре заслонила подъехавшая к нам карета.

— Садись! — подстегнула меня незнакомка и, распахнув дверцу, подала личный пример. Я последовала за ней.

Дверца еще не успела захлопнуться, а экипаж уже тронулся с места.

— Куда тебя отвезти? — осведомилась блондинка, расслабленно откидываясь на спинку скамьи.

Плащ распахнулся, вновь открывая малиновое платье, облегающее аппетитную фигуру.

— Все равно, — отозвалась я. Выдавать место моего временного проживания было бы глупо. Сегодня мы со светлой — некоторым образом товарищи по несчастью, а завтра — как знать? — Лишь бы подальше отсюда и в относительно приличный район.

— Годится, — кивнула она, думаю, отлично понимая мои соображения.

Больше мы не разговаривали.

До гостиницы я добралась благополучно.

Отправиться во дворец Александра Уилфорта я собиралась на следующий же день. Не в силу рабочего рвения, какового в данном конкретном случае не было вовсе, а просто от нежелания слишком долго мучиться ожиданием. Задание получено, я здесь, в Настрии, и как-то эта ситуация должна разрешиться. Как бы то ни было, чем скорее, тем лучше.

В постели я тем не менее провалялась дольше обычного, вспоминая события вчерашнего вечера. Мысль о Сэнде вызвала на губах непроизвольную улыбку, которая, впрочем, померкла, едва я подумала о том, как мы расстались. Некрасиво, конечно, получилось, а с другой стороны — что еще я могла сделать? Назначить ему свидание? Это лишь способ растянуть болезненное расставание. Не станет же светлый аристократ в самом деле встречаться с темной шпионкой. Только Бал Неузнанности и может свести двух столь разных людей...

Наконец, я перебралась за стол и приступила к легкому завтраку, который принесли мне в номер. Рядом с подносом лежала свежая газета, и я развернула ее, предварительно набив рот яичницей. Читала я не из праздного интереса. Опыт показывал, что в подобных изданиях можно порой почерпнуть информацию, полезную для работы. Да и вообще, чем больше я буду знать о происходящем в Настрии, тем меньше вызову в перспективе подозрений.

Взгляд сразу же остановился на крупном заголовке: «Два скандала на вчерашнем Балу Неузнанности». Целых два? Когда это они успели? Не иначе, уже после Узнавания.

С трудом дожевав и проглотив яичницу, я стала поспешно перелистывать страницы в поисках нужной. Ага, страница семь. Вот и статья...

«Бал Неузнанности, состоявшийся вчера в доме лорда Энрике Вегаса, может по праву считаться самым скандальным за несколько последних десятилетий. За один вечер высшее общество Иллойи потрясли две истории, выходящие за рамки обыденного.

Во-первых, на бал под видом приезжей аристократки сумела проникнуть знаменитая аферистка, известная под кличкой Пантера. На этот раз на ней было модное платье малинового цвета и черный парик. Разумеется, приятное времяпрепровождение не являлось единственной целью аферистки. Ей удалось ограбить высшего аристократа и сбежать с места преступления незадолго до Узнавания. Имя пострадавшего мы сообщить не можем, но это человек, занимающий важное положение при дворе.

Во-вторых, на вчерашнем балу состоялась так называемая карнавальная свадьба. Жених и невеста, известные под вымышленными именами Сэнд и Давирра, впервые познакомились на празднике и изъявили желание пройти данную церемонию. Событие было проведено соответственно правилам, в торжественной обстановке, к удовольствию всех присутствующих. Однако после Узнавания разгорелся самый настоящий скандал, ибо выяснилось, что проводивший церемонию священнослужитель был не ряженым, а самым что ни на есть настоящим. В итоге проведенная на балу церемония считается действительной. Жених и невеста использовали вымышленные имена, однако это не отменяет законности брака.

Разумеется, такое поведение недопустимо для служителя церкви. Объясняется оно, увы, просто: к моменту проведения церемонии священник был безбожно пьян. В ответ на вопрос нашего корреспондента о том, как могло духовное лицо поступить столь вопиющим образом, этот человек, краснея и опуская глаза, пробормотал, что хотел сделать жениху и невесте

приятное.

Сюрприз, безусловно, удался, но стал ли он приятным для карнавальных жениха и невесты? Увы, однозначного ответа на этот вопрос пока нет, поскольку оба они покинули бал до Узнавания. Так что вполне вероятно, что эти люди до сих пор не знают о том, что стали мужем и женой — так же как и мы пребываем в неведении касательно их подлинных имен. Очевидцы утверждают, что жених был светловолосым и, по всей видимости, высшим аристократом. О невесте известно лишь то, что это молодая женщина двадцати с лишним лет. У нее были темные волосы, однако не оставляет сомнений тот факт, что это всего лишь парик. Одета она была в костюм лесной богини Давирры, у которой и позаимствовала имя на время бала.

Мы обратились за комментарием к главе настрийской церкви, архиепископу Астарху.

«Это совершенно возмутительное происшествие, — говорит архиепископ. — Наш собрат своим недозволительным поведением бросил тень на самый институт церкви. Разумеется, мы разберем это дело подобающим образом и примерно его накажем. Я бы хотел, однако же, подчеркнуть, что это был единичный случай и поведение нашего брата нетипично для священнослужителя. Я также хочу принести извинения вчерашним жениху и невесте — как от лица поженившего их священника, так и от себя лично. Если они пожелают, то будут разведены в кратчайшие сроки. Достаточно будет обратиться к служителям храма Святого Риала. Я лично позабочусь о том, чтобы у этих молодых людей не возникло никаких сложностей».

Итак, для развода препятствий нет. Дело за малым: должны отыскаться жених и невеста. Придут ли они в центральный городской храм, следуя призыву архиепископа? Или, быть может, решат, что сама судьба свела их вместе на вчерашнем балу? Увы, пока нам остается только гадать».

Я обессиленно уронила руки, все еще пялясь в лежащую на столе газету. Завтрак, понятное дело, был позабыт: кусок не лез в горло. Это что же выходит... Я теперь чья-то жена?

Не просто чья-то, ехидно подсказал внутренний голос. А светлого аристократа, да еще и, по всей видимости, из высших. Бедняга Брайан! Что-то с ним будет, если он узнает? Ведь он так старательно воспитывал во мне истинную патриотку!

Замужем... Отчего-то в этой ситуации Сэнда я жалела больше, чем себя. Возможно, потому, что в моем представлении у него еще был шанс на нормальную жизнь, у меня же такого шанса не оставалось. Вполне вероятно, что я и вовсе не выйду живой из той передраги, которой, по сути, является данное мне задание. В этом случае проблема свадьбы не стоит вообще. Сэнд просто овдовеет, и это решит его проблему. Правда, надо бы заблаговременно найти способ его об этом уведомить. Если же мне удастся выкрутиться... Вот тогда и буду думать. Возможно, разыщу Сэнда через тот самый храм.

Пока же я приступила к работе. Да здравствует работа! Она не дает сосредоточиться на жалости к себе и помогает не впасть в уныние. Задвинув собственные эмоции на второй план, я подготовилась и отправилась во дворец лорда Уилфорта.

Слово «дворец» оказалось излишне громким. Скорее все-таки особняк, хотя он действительно напоминал дворец с точки зрения архитектуры. Уменьшенную версию дворца. Тем не менее охрана была поставлена снаружи, как положено. Мне пришлось переговорить с несколькими людьми, прежде чем ко мне наконец вышел приличного вида

мужчина в темной одежде, абстрактно представившийся помощником лорда Уилфорта. Я изложила ему суть своего прошения. Так, мол, и так, Элайна Джорви, ученый, закончившая заграничный университет, отделение архитектуры. Жажду исследовать стенную обивку в северном, наиболее старом, крыле дворца, а также прочитать несколько редких книг, хранящихся в библиотеке почтенного лорда.

К устному прошению прилагалось письменное, составленное по всем правилам. Помощник бегло его просмотрел и вежливо пообещал, что лорд Уилфорт ознакомится с данным делом и мне непременно пришлют ответ. Я оставила адрес гостиницы, в которой проживала, и ушла.

Ответ я получила тем же вечером. Профессиональным витиеватым почерком, несомненно не имевшим отношения к хозяину дворца, было написано, что лорд Уилфорт благосклонно отнесся к моему прошению. Меня приглашают несколько дней пожить во дворце, дабы посвятить это время необходимым исследованиям.

Что ж, именно на такой ответ я и надеялась. Потому и выбрала из ряда специализаций архитектуру. Ради одной только библиотеки мне бы, возможно, не предложили остаться во дворце на ночь. А вот ради исследования собственно дворца — вполне. К тому же теперь я получала возможность свободно передвигаться если не по всему зданию, то, по крайней мере, по его части. Предоставленная мне комната, плюс северное крыло, плюс библиотека, которая расположена недалеко от кабинета Уилфорта и через которую можно попасть в потайной ход.

На следующий день я переехала во дворец.

Мне показали мою комнату и прочие теоретически интересующие меня помещения. Слуги были обходительны. В меру, конечно: чай, не слишком важная птица, однако меня все полностью устраивало.

Ближе к вечеру Уилфорт даже лично поприветствовал меня, наведавшись в библиотеку. Я старательно улыбалась и рассыпалась в благодарностях, изо всех сил скрывая ту бурю, что бушевала внутри. Тот самый человек... Спина как будто снова заныла.

Он выглядел именно так, как я себе представляла. Холодный взгляд серых глаз, каменное выражение лица, вежливый, но все такой же холодный голос. Думаю, он бывает так же вежлив, когда отдает приказ сбросить шестерых темных мальчиков с обрыва. Светлый аристократ до мозга костей. И если тотальной ненависти к светлым я не разделяла (как-никак светлыми были мои родители и вообще многие окружавшие меня в прежней жизни люди!), то людей его типа ненавидела до глубины души.

Уилфорт, разумеется, не догадывался о моей масти. На голове у меня красовался парик отличного качества, и я казалась сейчас светло-русой. Хозяин замка сказал несколько традиционных приветственных слов, упомянул о значимости науки для современного общества и дал устное дозволение находиться во дворце столько, сколько потребуется для исследований. Взглянул на книгу по особенностям настрийских интерьеров первой половины прошлого века, которую я добросовестно разыскала и заблаговременно положила на стол в раскрытом виде — на всякий случай. Посетовал на то, что совсем не имеет времени на чтение столь увлекательной литературы, и впервые удивил меня, сообщив, что я могу забрать эту книгу в качестве подарка. Я попыталась отказаться, заверив, что это чрезмерная щедрость с его стороны. Книга действительно была редкая и, несомненно, дорогая. Но он лишь отмахнулся, напомнив о том, что времени на чтение подобных вещей у него все равно нет и вряд ли оно когда-нибудь появится.

На том и расстались.

Я постепенно осматривалась, исследуя дворец под предлогом строго научного интереса. Стража тут и там встречалась, но мне никто не препятствовал. Выяснилось, что анфилада комнат, отведенных под личные покои Уилфорта, располагается совсем недалеко от библиотеки. Первой из этих комнат был кабинет, затем всяческие гостиные-гардеробные и, наконец, спальня. О последней я, понятное дело, знала чисто теоретически. А вот в кабинет разок наведася. Там тоже внимательно огляделась, прикидывая, где могут храниться интересующие меня бумаги, но трогать пока ничего не стала. Время меня не поджимало, так что спешить не следовало. Надо было действовать продуманно и аккуратно. И самое главное — решить, что же именно я собираюсь делать.

Трагикомичность ситуации заключалась в том, что я так ничего и не решила. Так и не знала, готова ли выполнить задание Брайана. Не «кражу» документов, разумеется, а то, основное. Ради которого меня, в сущности, и отправили в Настрию. При всех отрицательных эмоциях, которые вызывал во мне Уилфорт, я чувствовала, что неспособна на такой поступок.

В итоге я тянула время. Уже, казалось бы, во всем разобралась. Изучила расположение комнат. Запомнила все пути до библиотеки. Проверила переданную Брайаном информацию: потайной ход действительно был. Слева от двери, вторая полка снизу. Надавить на стену — и проход открывается практически сразу, притом совершенно бесшумно. Я посветила внутрь свечой, коих в библиотеке всегда имелось в избытке. Обыкновенный узкий коридор с низким потолком. Пройти по нему до конца я не рискнула. Мое отсутствие могли заметить, тем более что хозяин дворца как-то подозрительно зачастил в библиотеку. Я, конечно, не была знакома с его привычками; возможно, он и прежде приходил сюда столь же регулярно. Но, учитывая его же собственные слова о нехватке времени на чтение, это вызывало сомнения. Что именно послужило причиной такой перемены, я не знала. Может быть, меня подозревают? Или Брайан оказался прав и Уилфорт заинтересовался мной как женщиной? Ответа на эти вопросы у меня не было, но я понимала одно: так или иначе, затягивать больше нельзя. Остаться во дворце становилось рискованно.

К тому же вскоре произошел случай, который помог мне принять решение.

В тот день я не случайно приблизилась к кабинету Уилфорта. Учитывая, что мое задание как минимум частично предстояло выполнить именно там, я хотела досконально изучить все детали. Но так сложилось, что в кабинете в тот момент были люди. И так сложилось, что они вели разговор. Эмоциональный, а потому и громкий.

Дверь кабинета была закрыта, и потому присутствовавшие поблизости люди могли услышать разве что неразборчивый гул голосов. Опять же присутствие этих людей не позволило бы мне подслушать, к примеру, через замочную скважину. Но это не требовалось. Дело в том, что природа наградила меня необычайно тонким слухом. Особенность, о которой я, по непонятной мне самой причине, промолчала в свое время даже в общении с Брайаном. И сейчас я была вполне в состоянии расслышать то, что происходило за дверью. И услышанное повергло меня в состояние шока. Шока, смешанного с ненавистью.

— И что прикажешь делать с этими темными, черт бы их побрал! — вскричал Уилфорт.

Раздался звук, как будто по столу хлопнули книгой или, например, полной документов папкой.

— Возможно, постепенно ситуация разрешится сама собой, — осторожно предположил второй голос.

Эти слова я разобрала с трудом, поскольку второй говорил более спокойно и, соответственно, тише.

— Ни черта она не разрешится! — возразил Уилфорт. — А даже если и так, нас не устраивает «постепенно»! Нам нужно разрешить ее в кратчайшие сроки. Окончательно и бесповоротно. Времени на это совсем немного. Так что думай, Джой, думай!

Ага, стало быть, это Джой, секретарь Уилфорта. Молодой, но действительно весьма смышленный парень.

Впрочем, учитывая содержание разговора, о личности второго его участника я подумала лишь мельком. Тем более что следующая реплика Уилфорта, на которой, собственно, разговор и завершился, оказалась поистине шокирующей:

— В ближайшее время Темный Оплот должен прекратить свое существование.

И все. Для остальных находившихся в коридоре людей ничего не изменилось. Для меня наступила нестерпимая, звенящая в ушах тишина. Признаться, я не ожидала подобных масштабов. Я не знала, как он собирается это сделать. Я не представляла, каким человеком надо быть, чтобы столь отчаянно стремиться к подобному.

Но в этот момент решение было принято. Пусть я не убийца, пусть я всю оставшуюся жизнь буду мучиться угрызениями совести, пусть даже меня поймают и мне придется использовать по назначению капсулу с ядом. Но этот человек не должен пережить мой визит.

Из доступных вариантов — яд и кинжал — яд, разумеется, казался мне предпочтительным. Однако это только в теории просто — подсыпать яд в бокал или тарелку жертвы и жди результата. В реальности же — как это сделать? У меня не было доступа к еде и питью Уилфорта. Мое же появление на кухне показалось бы странным само по себе. Но даже если я найду благовидный предлог, чтобы туда заглянуть, как узнаю, какая именно еда предназначается для Уилфорта (и исключительно для него, ибо я не хочу заодно перетравить весь дворец)? И кто сказал, что у меня появится возможность подсыпать яд незаметно? Нет, профессиональный убийца наверняка нашел бы способ без особого труда. Но я-то таковым не являлась!

И тем не менее удобный случай подвернулся. Заглянув в очередной раз в библиотеку, Уилфорт предложил мне составить ему компанию за ужином. Первым порывом было отказаться. Для простой исследовательницы такое приглашение было слишком большой честью. Темная же шпионка не желала иметь с хозяином дворца ничего общего. Но я вовремя опомнилась. Ужин на двоих — это идеальный шанс. Правда, сомнений в моей виновности ни у кого не возникнет. Но яд действует далеко не сразу, и к тому моменту, как Уилфарту станет плохо, я уже буду далеко. Словом, немного посомневавшись для виду, я согласилась.

В тот вечер Уилфорт удивил меня во второй раз. Ужин был накрыт на террасе. Погода в последнее время заметно улучшилась: после побега с бала мне ни разу не приходилось надевать плащ. Ветер к вечеру усилился, но он был южный, не холодный. Освещение обеспечивали развешанные повсюду фонарики. Блюда источали прекрасный запах, а два пузатых бокала прислуживавший за столом лакей первым делом наполнил до середины вином. Красным. Смотрелось романтично, особенно в свете тех самых фонариков. Вот только вкус отвратительный.

— Как идут исследования? — поинтересовался Уилфорт вскоре после того, как мы приступили к еде.

На этом, начальном, этапе не было никаких шансов подсыпать яд незаметно, так что пока я не предпринимала таких попыток.

— Чудесно, — заверила я, имитируя неловкость, которую непременно должна была испытывать по легенде. — Надеюсь, что в скором времени смогу написать две статьи. Возможно, даже три.

— В самом деле? — изумился Уилфорт. — Неужели стенная обивка северного крыла настолько интересна?

— Стенная обивка, а также резьба на колоннах в Каминном зале, — с важным видом кивнула я.

— Поразительно.

— Вовсе нет. Лорд Уилфорт, вы ведь знаете, насколько выдающийся архитектор проектировал ваш дворец.

— Да, мне это известно, — задумчиво кивнул он. — Однако не сомневаюсь, что вы гораздо лучше меня представляете себе научную ценность подобных вещей. Все дело в том, что, какой бы информацией я ни обладал, для меня этот дворец — в первую очередь дом. Место, где я живу и работаю. Поэтому мне сложно думать о нем как об объекте исторических исследований.

— А разве вы работаете дома? — изобразила удивление я. — Мне казалось, что государственные вопросы решаются в королевской резиденции. То есть... — я сделала вид, что окончательно смешалась, — простите, не обращайтесь на меня внимания, я действительно ничего не понимаю в подобных вещах.

— Все зависит от того, какого рода государственными делами заниматься, — отозвался Уилфорт. — Некоторые необходимо решать непосредственно в королевском дворце. Другие, скажем, в здании мэрии или суда. Те же вопросы, которыми занимаюсь я, можно решать где угодно. Место не имеет значения. Главное — это собственная голова, необходимая документация и, конечно, преданные помощники.

— А какого рода делами вы занимаетесь?

Я не смогла не задать этот вопрос, глядя ему в глаза, хотя отлично понимала: правду он не скажет.

— Общественного характера, — обтекаемо ответил он.

— Это должно быть необычайно интересно.

— Далеко не всегда. Поверьте, в основной массе эти дела чрезвычайно скучны.

«Что ж, не исключено, что для вас — да. Во всяком случае, я очень легко представляю себе, лорд Уилфорт, как вы со скучающим видом подписываете приговор темной библиотекарше».

— Жаль, — вздохнула я.

— Думаю, ваша работа значительно интереснее, чем моя, — заметил хозяин дворца, по моему, совершенно неискренне.

— Каждому свое, — заявила я, встречая его взгляд и вкладывая в свои слова совсем не тот смысл, что следовал из разговора.

— Именно так, — согласился он.

Я покосилась на слугу. Тот стоял на почтительном расстоянии, но пристально следил за нами, готовый предугадать любое наше желание. Любое, кроме одного: отвернуться хотя бы секунд на десять, чтобы предоставить мне возможность спокойно сделать свое дело. Впрочем, какое там «спокойно»? Ведь Уилфорт тоже практически не отводит от меня глаз.

— Я заметил, как бережно вы относитесь к книгам, — сообщил между тем он.

— Я вообще бережно отношусь к чужому имуществу, — усмехнулась я.

— О нет, — не принял такое объяснение Уилфорт. — Бокалы и вилки — это тоже чужое имущество, но вы не берете их в руки с тем же трепетом, что книги.

Я опустила взгляд на собственные пальцы, удерживающие бокал. Хм, вот на таких мелочах и попадаются шпионы. Хорошо, что для исследователя любовь к книгам не менее естественна, чем для библиотекаря или чтеца. Однако до чего же он внимателен к деталям!

— Я люблю читать, — сказала я в ответ самое нейтральное, что пришло в голову. — А у вас, стало быть, совсем не остается на это времени?

Я постаралась изобразить сочувствие.

— Практически не остается, — подтвердил Уилфорт, и особого страдания я в его голосе не заметила. — Признаться, в последнее время дел у меня скопилось столько, что я почти ничего не вижу, кроме них. Книги, обивка, — он усмехнулся, — резьба на колоннах — все это отложено до лучших времен.

— А это, — я обвела выразительным взглядом красивую, романтическую обстановку на террасе, — способ пустить пыль в глаза?

Конспирация конспирацией, однако от шпильки я не удержалась. Да и, в конце концов, ученые тоже могут быть с характером.

— Не знаю, — покачал головой Уилфорт, разглядывая меня с нескрываемым интересом. Будто это мое, а не его поведение вызывало вопросы. — В последнее время в моей жизни происходят столь странные события, что я ни за что уже не поручусь.

Незначительный шум около выхода на террасу лишил меня необходимости придумывать уместную реакцию на такие слова. Вскоре к нашему столу быстрым шагом приблизился секретарь моего сотрапезника, тот самый Джой.

— Лорд Уилфорт, я чрезвычайно сожалею, но прибыл курьер с депешей из королевского дворца, — извиняющимся тоном сообщил он.

Уилфорт обреченно усмехнулся.

— Ну, вот и все, — обратился он ко мне. — Пыль в глаза закончилась. Ешьте, отдыхайте, наслаждайтесь тишиной. Мне же пора вернуться к работе.

Оставшись одна, я хмуро откинулась на спинку стула. Теперь недопитый бокал напротив был вполне досягаем. Приходилось признать неоспоримый факт: отравительница из меня никудышная.

Я дождалась двух часов ночи. В это время шансы случайно повстречать кого-нибудь в коридоре были значительно меньше, чем в более традиционную полночь. Где именно можно с высокой степенью вероятности натолкнуться на стражу, я к этому времени неплохо себе представляла. Но в самом крайнем случае была готова объяснить свои блуждания по дворцу бессонницей.

Я не взяла с собой ничего из вещей, не считая нескольких мелочей, полезных в моей работе. Даже плащ захватывать не стала. Поэтому ничто в моем виде не указывало на намерение покинуть дворец. Ни сумок, ни вещевых мешков. Просто приличное платье и кожаные полусапожки. Без каблуков и с очень мягкой подошвой, совершенно не защищающей от сырости, зато позволяющей бесшумно передвигаться по коврам и полу.

Кабинет Уилфорта заперт — он всегда запирается на ночь, — но для меня этот замок — пара пустяков. Один из тех самых полезных в работе предметов, несколько движений — и замок не взломан, а именно открыт, так что впоследствии никто даже не заподозрит неладное. Если, конечно, сейчас все пройдет как надо.

На поиски тайника времени не ушло вовсе: место я заметила в свой предыдущий визит. Углубление в стене за гобеленом, стандартный прием. Замок посложнее, но минут за десять я справилась и с ним. Правда, открыв дверцу и вытащив наружу содержимое, чуть не застонала, осознав, сколь долгая предстоит работа. Здесь была не просто тонкая стопка документов. Вернее, документов как раз было всего несколько штук, но кроме них имелись целые две исписанные тетради! А ведь Брайана в первую очередь интересовали именно записи.

В итоге я все-таки позволила себе сесть за стол, хотя обычно предпочитала при подобных обстоятельствах этого не делать, равно как и вообще не касаться ничего лишнего. И принялась просматривать страницы, одну за другой. Точнее, даже не просматривать, а просто бросать взгляд. Текст, перелистнуть страницу, еще текст, опять перелистнуть. Продолжалось это долго. Я мельком замечала, что одни страницы исписаны сверху донизу, а на других лишь нарисована небольшая диаграмма либо приводится, к примеру, список из трех пунктов. На одних почерк аккуратный, как следует выведена каждая буква, а на других — беглый, будто хозяин тетради очень торопился записать пришедшую в голову мысль. Я также отметила и то, что слова «темные» и «масть» стали регулярно встречаться в конце первой тетради и часто повторялись во второй. Но в смысл я не вдавалась, поскольку это непременно отразилось бы на скорости.

Закончив, поднялась из-за стола, постаралась поставить стул точно так же, как он стоял раньше, и вернула все бумаги на место в прежнем порядке. Еще чуть-чуть помедлила: соблазн на этом закончить и покинуть дворец был велик. Все же пересилив себя, я направилась не к выходу в коридор, а к другой двери. Той, через которую можно было попасть в личные покои Уилфорта.

Собственно, можно сказать, что кабинет был частью этих покоев. Последней в череде этих комнат, наиболее приближенной к общим помещениям. Дальше шла маленькая личная гостиная. Ведущая туда дверь тоже была заперта (точнее сказать, это кабинет был заперт со всех сторон), но чисто символический замок поддался очень легко. Полусапожки на плоской подошве бесшумно ступали по коврам. От комнаты к комнате, от двери к двери. Здесь было пусто, тихо и темно, и больше ни одна дверь не оказалась запертой. В том числе и дверь в спальню.

Последняя и вовсе была открыта. Какое-то время я стояла на пороге, оглядывая комнату глазами, которые успели привыкнуть к скудному освещению. Окно, ковер, камин, прикроватный столик... Уилфорт здесь, и он, как я и ожидала, спит. В кровати, настолько большой, что в ней, должно быть, неуютно лежать одному. Я запоздало понимаю, как мне повезло, что рядом с ним не обнаружилась какая-нибудь женщина. А ведь такой вариант был вполне возможен, и что бы я делала тогда?

Что же делать сейчас, я представляю себе довольно неплохо. Правда, представлять себе — это одно, а выполнить — совсем другое... Но душевные метания теперь неуместны. Поэтому я бесшумно приближаюсь к кровати, одновременно извлекая спрятанный под одеждой кинжал. Подхожу к Уилфорту. Поднимаю оружие, стараясь не думать о том, как незащищенно выглядит спящий человек. Лучше думать о шестерых мальчиках и о тех тысячах темных, что пострадают, если этот человек проснется.

Уилфорт будто что-то почувствовал, зашевелился во сне. При этом одеяло соскользнуло, обнажая плечо. Он спал без рубашки. И я застыла все в той же позе, с занесенным над мужчиной оружием, не в силах двинуться с места. Я хорошо помнила эту рану, я сама

тщательно ее обрабатывала. Да, она быстро зажила, и моему взгляду предстала уже скорее не рана, а шрам, но сути это не меняло: я все равно отлично ее помнила... И не понимала, что делать дальше. Лишь точно знала одно: ударить кинжалом Сэнда я точно не смогу.

За собственную растерянность мне вскоре пришлось поплатиться. В подобных ситуациях нерешительность недопустима. Уилфорт внезапно рванулся вверх и схватил за запястье руку, в которой я держала кинжал. Мы начали бороться. Теперь никакой нерешительности не было; все вновь стало понятно и недвусмысленно. Это была война, рядом со мной — враг, и моя задача — до последнего биться за свой крохотный шанс на спасение. Кинжал вскоре улетел на пол, но я продолжала отчаянно драться. Наконец, перекатившись на постели, мы застыли, тяжело дыша. Он прижимал меня своим телом к кровати, одновременно удерживая руки. И в этой ситуации не было ни капли чувственности.

Еще секунда — и в спальню вбежали привлеченные шумом стражи. И уставились они не на ту двусмысленную позу, в которой застыли мы с Уилфортом. А на мои волосы. И я с опозданием осознала, что в процессе борьбы светлый парик, сколь хорошо он ни держался, все-таки слетел с головы. Так что теперь присутствующие могли лицезреть мою масть во всей красе.

Что ж, свое поражение тоже надо уметь признавать.

— Арестовать! — зло бросил Уилфорт, поднимаясь и переставая меня удерживать.

И то верно: какой теперь смысл?

Двое стражников выступили вперед. Третий подобрал с пола кинжал.

— Давай, поднимайся! — велел мне один.

— Ох, и достанется тебе теперь! — со злорадством заметил второй.

Догадаться, что он имел в виду, было совсем не сложно. В голове отчетливо прозвучал голос Марома. «То, что делают дворцовые стражники с попадающими к ним темными, невозможно описать словами. А уж женщину они не пожалеют тем более. Так что о капсуле я напоминаю только в твоих интересах». А также слова озабоченно хмурящегося Брайана: «Попадаться тебе нельзя».

Я все отлично понимала. Попадаться нельзя. И у меня еще оставался один шанс уйти. Совсем не радостный, конечно, но то, что ждет меня впереди в противном случае, еще хуже.

Руки уже сковали мне за спиной, но это было нестрашно. Как раз на такую ситуацию все и рассчитано. И, едва стражники, отлично понимая, что я уже никуда не денусь, чуть ослабили бдительность, я повернула голову и зубами оторвала прикрепленную к воротнику капсулу. Но не успела вовремя заметить, как Уилфорт, переменившись в лице, молнией рванул в мою сторону.

Ох, до чего же это больно, когда тебя бьют по лицу! Зубы разжались, и капсула выпала прежде, чем я успела ее проглотить.

— Куда вы смотрите, вашу мать?! — совсем не аристократично рявкнул на стражников Уилфорт. — У вас арестованная чуть яд не проглотила под самым носом! Повыгоняю всех к чертовой матери!

— Просим прощения, лорд Уилфорт, — повинился один из стражей, постарше, в то время как остальные лишь хлопали глазами, осознавая, что чуть было на этих самых глазах не произошло. — Не ожидали. Заверяю вас, больше такого не повторится.

— Надеюсь, — проворчал Уилфорт, без особого удовольствия опуская взгляд на руку, которой только что ударил меня по челюсти.

Интересно, хоть зубы-то все целы? А впрочем, какая разница? Может, измывательства

над беззубой пленницей хоть доставят стражникам меньше удовольствия?

Всю дорогу вниз, в тюремные помещения, я, стараясь унять внутреннюю дрожь, думала лишь о том, как вести себя в камере. Есть ли у меня хоть какие-то шансы предотвратить то, на что они настроились? Кричать так, чтобы у них завяли уши? Наоборот, лежать неподвижно, как бревно, закатив глаза? Или, к примеру, вызвать у себя приступ рвоты, чтобы пробудить в них отвращение?

Те средства для задержки противника, которыми меня снабдили на случай внепланового побега, отобрали при обыске. Так что никакого оружия, кроме ногтей и зубов (последнее под вопросом), в моем распоряжении не оставалось.

До камеры мы добрались быстрее, чем я рассчитывала. Оно и неудивительно, учитывая малые размеры дворца.

Решетчатая дверь со скрипом открылась. С меня сняли наручники, втолкнули в камеру... И все. Стражники остались снаружи. Заперли дверь и молча разошлись. Я замерла в недоумении. А затем обессиленно опустилась на пол.

Долго просидеть в тишине и одиночестве мне не удалось. Думаю, еще не успел наступить рассвет, а звук шагов, эхом раскатившийся под низкими сводами, возвестил о приходе Уилфорта. Понятное дело, я напряглась, но вставать не стала. Лишь спрятала руки под мышками, а то еще увидит, что они дрожат. Тем более дрожат-то они, скорее всего, от холода. Здесь точно не теплее, чем на улице, а плащ остался наверху.

Уилфорт пришел один, без сопровождающего стражника. Странно, я думала, меня первым делом поведут на допрос. Остановившись у зарешеченной двери, он устремил на меня испытывающий взгляд.

— Не спится? — мрачно буркнула я, смотря устало и одновременно с вызовом.

— Тебе, я вижу, тоже, — не остался в долгу он.

Я безразлично пожалала плечами. Полагаю, недосып — это сейчас последняя из моих проблем.

— Зачем ты это сделала? — спросил Уилфорт, подойдя к решетке вплотную. — Нет, ситуация мне в целом ясна, — добавил он, видя, как я скривила губы. — Тебя завербовали в Темном Оплоте и отправили в Иллою, чтобы меня убить. Приказ, скорее всего, отдал либо Роберт Кеннингтон, либо Брайан Коллинз. Впрочем, существует небольшой шанс, что это был некто третий. Тебя снабдили оружием, капсулой, ядом, который уже нашли при обыске в твоей комнате. Все это понятно. Как видишь, мне даже нет смысла тебя допрашивать. Мне интересно другое.

Немного подумав, он сел прямо на пол, так же как сидела я, только с другой стороны от решетки. Весьма существенное различие.

— Почему ты согласилась это сделать? — Вопрос был задан без упрека, без ненависти, без презрения победителя к побежденному. Спокойно. Будто ему просто интересно узнать ответ. — Ведь ты не убийца.

— С чего ты взял? — с глухим смешком отозвалась я. — Может быть, на моем счету уже пятьдесят трупов.

— И на пятьдесят первом у тебя вдруг дрогнула рука, — фыркнув, подхватил он. — Нет. Будем считать, что я разбираюсь в людях. Убийство тебе в новинку. Так почему?

Смысла увиливать и отмалчиваться я не видела.

— Потому что настоящий убийца — ты.

Я смотрела на этого человека — и не могла, не была готова видеть в нем Сэнда. Требовалось приложить усилие, напоминая себе о шраме, который скрывался теперь под одеждой. Что ж, стало быть, Сэнд был всего лишь иллюзией, обманкой, как, собственно, и полагается на маскараде. Вера в то, что светлый аристократ может быть достойным человеком, таяла на глазах.

— Что за чушь? — нахмурился Уилфорт.

— Это не чушь, — отрезала я. — Для того чтобы быть убийцей, необязательно собственноручно держать кинжал. Достаточно отдать соответствующий приказ.

— Логично, — бесстрастно кивнул Уилфорт. — Стало быть, пославший тебя сюда человек — убийца. При чем тут я?

[Купить полную версию книги](#)